

«Пронзительный роман о власти, привилегиях
и опасной погоне за совершенством».
Джессика Кнолл, автор бестселлера New York Times
«Счастливые девочки не умирают»

Дни

Хотят

Быть

Как

Мы

ДЖЕССИКА ГУДМАН

Джессика Гудман
Они хотят быть как мы
Серия «Young Adult. Что
скрывает ложь. Триллеры»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66332318

Они хотят быть как мы: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-158140-4

Аннотация

Бестселлер The New York Times.

Экранизация от HBO MAX: в главных ролях Сидни Суини («Эйфория») и Холзи.

Для фанатов сериалов «Сплетница» и «Элита», романов «Один из нас лжет» и «Двое могут хранить секрет» Карен М. Макманус.

Говорят, что только святые умирают молодыми. Но Джилл Ньюман точно знает: это всего лишь строчка из глупой песни.

У Джил нет дорогой машины, она не носит дизайнерские вещи и не загорает на лучших пляжах Лонг-Айленда. Только благодаря упорному труду девушка смогла получить стипендию и поступить в «Голд Кост», самую престижную школу страны.

Здесь все выглядит идеально, но что на самом деле скрывается за красивым фасадом этой школы? Ее лучшая

подруга, ослепительная и талантливая Шайла, была убита своим бойфрендом Грэмом. Он во всем сознался, и дело было закрыто.

Но когда начался последний учебный год, Джилл неожиданно получила несколько сообщений о невиновности Грэма. Тогда кто убил Шайлу Арнольд?

«Пронзительный роман о власти, привилегиях и опасной погоне за совершенством». – Джессика Кнолл, автор бестселлера New York Times «Счастливые девочки не умирают»

Содержание

Пролог	6
1	8
2	31
3	53
4	66
5	80
6	104
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Джессика Гудман

Они хотят быть как мы

Маме и папе, с благодарностью за семью и крылья

They Wish They Were Us

JESSICA GOODMAN

Copyright © 2020 by Jessica Goodman

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Razorbill, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.

Jacket Photography © 2020 by Christine Blackburn Jacket Design by Maggie Edkins and Jessica Jenkins

© И. Литвинова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Просто чудо, что кому-то удастся окончить школу живым и невредимым. Трудно уцелеть, когда всё вокруг – риск или хитро поставленная ловушка. Если кого не доконает собственное сердце, растоптанное и разбитое, можно стать жертвой совершенно банальной и не менее трагической истории – пьяной аварии, проезда на красный свет светофора во время переписки за рулем, злоупотребления таблетками. Но Шайла Арнольд ушла из жизни не так.

Формально причиной смерти стала травма от удара тупым предметом, нанесенного ее бойфрендом, Грэмом Кэллоуэем. Следы морской воды в легких позволяли сделать самое простое предположение о том, что она утонула, но при более тщательном осмотре нельзя было не заметить шишку на голове и слипшиеся от крови пряди длинных светло-медовых волос.

Травма от удара тупым предметом. Так сказано в свидетельстве о смерти. И записано в регистрационных книгах. Но *на самом деле* она умерла не от этого. Не травма от удара стала причиной ее смерти. Я думаю, она умерла от злости, от предательства. От желания получить слишком много всего и сразу. От того, что никогда не чувствовала себя сытой. Всепоглощающая ярость разрушила ее. Мне ли этого не знать, ведь я испытываю то же самое. *Почему нам пришлось стра-*

дать? Почему выбрали именно нас? Как получилось, что мы слетели с катушек?

Уже и не вспомнить, какими мы были раньше, когда гнев прорывался наружу лишь временами. Мимолетным чувством, вызванным ссорой с мамой или упрямым желанием моего младшего брата, Джареда, съесть последний кусок яблочного пирога в День благодарения. Такие вспышки гнева казались безобидными, потому что рассеивались сами собой. Как морская волна накатывает и обрушивается на берег, прежде чем успокоиться. Все неизменно возвращалось на круги своя.

Теперь же во мне как будто живет монстр. Он поселился во мне навечно и только и ждет удобного момента, чтобы вырваться из моей груди на свет божий. Интересно, не так ли чувствовала себя Шайла в последние мгновения своей жизни?

Говорят, только святые умирают молодыми, но это всего лишь строчка из глупой песни, что мы распевали. Это не про жизнь. И это неправда. Я знаю точно, потому что Шайла Арнольд была какой угодно – блистательной и веселой, самоуверенной и необузданной. Но если честно? «Святая» – это совсем не про нее.

1

Первый день учебного года подчинен неизменному сценарию: мы отдаем дань памяти Шайле. Сегодня она *могла бы* отмечать начало своего выпускного года. Вместо этого вот уже три года как ее нет с нами. И мы получаем еще одно напоминание о том, что с ней произошло.

– Готова? – спрашивает Никки, когда мы въезжаем на стоянку. Она лихо паркует свой блестящий черный «БМВ», подарок родителей к новому учебному году, и делает жадный глоток кофе со льдом. – Потому что я совсем не готова. – Она опускает зеркало, наносит на губы слой помады цвета арбузной мякоти и щиплет себя за щеки, пока на них не появляется румянец. – Не проще им было бы установить мемориальную доску, устроить благотворительный марафон или что-то в этом роде? Чем так издеваться над нами?

Никки вела обратный отсчет до первого дня выпускного года с тех пор, как мы разошлись на летние каникулы в июне. Сегодня она позвонила мне в 6:07 утра и, когда я перекатилась на край кровати и в тумане дремы схватила трубку, даже не стала дожидаться моего приветствия.

– Будь готова через час или ищи другого, кто тебя подвезет! – крикнула она, стараясь перекрыть шум работающего фена.

Ей даже не пришлось сигналить, когда она подъехала к

моему дому. Я догадалась, что она ждет снаружи, по оглушительным звукам песни Уитни Хьюстон «Как мне узнать». Мы обе питаем слабость к музыке восьмидесятых годов. Когда я забралась на переднее сиденье, Никки выглядела так, словно уже выпила два «венти»¹ из «Старбакса» и с ней поработала целая команда визажистов и стилистов. Ее темные глаза мерцали, подведенные блестящими тенями, а рукава темно-синего блейзера с эмблемой подготовительной школы «Голд Кост»² она закатала до локтей в искусной, но небрежной манере. Никки – одна из немногих, кому удастся придать шик нашей уродливой школьной форме.

К счастью, прошлой ночью меня не мучили кошмары и почти вечные мешки под глазами исчезли. Не повредило и то, что у меня оказалось несколько лишних минут, чтобы нанести толстый слой туши на ресницы и привести в порядок брови.

Когда Никки вырулила с подъездной дорожки моего дома, у меня закружилась голова от предвкушения. Наше время пришло. Наконец-то мы добрались до вершины.

Но теперь, когда мы действительно здесь, впервые на парковке для выпускников «Голд Кост», дрожь пробегает у меня по спине. Нам предстоит пройти через мемориал Шайлы,

¹ Размер стаканчика в сети кофеен «Старбакс». Слово «венти» переводится как «двадцать» – именно такое количество унций содержится в стаканчике объемом 591 миллилитр.

² Дорогостоящая частная школа по подготовке абитуриентов к поступлению в колледж, особенно престижный.

и он висит над нами, как облако, готовое пролиться дождем и смыть все следы веселья.

Смерть Шайлы стала первой за всю историю «Голд Кост», поэтому никто не знал, как себя вести и что делать. Но, так или иначе, выход нашли. Учебный год решили начинать с пятнадцатиминутной церемонии в честь Шайлы, сохраняя эту традицию до тех пор, пока мы не окончим школу. И в качестве благодарности Арнольды выразили желание пожертвовать средства на обустройство нового английского крыла, названного именем Шайлы. Хорошо сыграно, директор Вайнгартен.

Но никто не хотел вспоминать Грэма Кэллоуэя. Его имя даже не произносили вслух.

Прошлогодняя церемония памяти прошла не так уж плохо. Вайнгартен взял слово и сказал что-то о том, как Шайла любила математику – вот уж неправда! – и с какой радостью начала бы углубленный курс по этому предмету, будь она по-прежнему с нами, – насчет этого он тоже загнул. Как и год назад, прибыли мистер и миссис Арнольд, заняли места в первом ряду аудитории, вытирая щеки хлопчатобумажными носовыми платками, старомодными и настолько ветхими, что выглядели почти прозрачными и, вероятно, хранили следы соплей десятилетней давности.

Мы шестером сидели рядом с ними, на почетных местах, олицетворяя собой уцелевшую когорту Шайлы. Нас, избранных, было восемь человек. Но после той ночи осталось ше-

стеро.

Когда Никки протискивается на парковочное место, отведенное для президента класса, там нас уже поджидает Квентин.

– Мы – выпускники, суки! – восклицает он и шлепает по моему окну тетрадным листком с наспех нарисованной карикатурой нашей троицы. Никки изображена с председательским молотком президента выпускного класса, я держусь за телескоп вдвое больше меня, а фигура Квентина залита огненной краской в тон его волосам. От картинки нашего маленького трио мое сердце тает.

Я радостно взвизгиваю при виде настоящего Квентина и распахиваю дверцу машины, бросаясь ему на грудь.

– Ты здесь! – Я утыкаюсь лицом в его пухлую грудь.

– Ой, Джилл, – смеется он. – Иди сюда, Никки. – Она кидается в наши объятия, и я вдыхаю росистый запах белья Квентина. Никки оставляет липкий поцелуй на моей щеке. В считанные секунды к нам подлетают остальные. Роберт, с зачесанными назад волосами, делает последнюю затяжку мятной электронной сигареты «Джул» и прячет ее в карман кожаной куртки. Ему светит куча взысканий за кожанку вместо блейзера, но Роберту все нипочем. – Не могу поверить, что нам придется снова пройти через это, – говорит он.

– Что ты имеешь в виду? Школу или Шайлу? – Генри подходит сзади и кладет руку мне на ягодицу, покусывая мочку моего уха. От него исходит обалденный запах мужчины

– аромат свежескошенной травы с примесью дорогого французского дезодоранта. Я краснею, думая о том, что сегодня нас двоих впервые увидят в школе как *пару*, и чуть склоняюсь к нему, утыкаясь плечом ему под мышку.

– А ты как думаешь? – Роберт закатывает глаза.

– Заткнитесь вы, идиоты, – одергивает их Марла, перекидывая платиновую косу через мускулистое плечо. Лицо у нее загорелое после лета тренировок в лучшем спортивном лагере Новой Англии по хоккею на траве. Ключка болтается за спиной в холщовой сумке, откуда торчит обмотанная клейкой лентой ручка. Как высший символ будущей университетской реальности. Она носит его с гордостью.

– Как скажешь, – бормочет Роберт. – Давайте покончим с этим. – Он устремляется вперед, увлекая нас за собой на травянистый двор, ухоженный и нетронутый после лета без школьников. Если встать в правильном месте, под часовой башней и на два шага правее, можно увидеть полоску пролива Лонг-Айленд всего в миле вниз по дороге и высокие парусники, осторожно покачивающиеся на волнах рядом друг с другом. От соленого воздуха у меня выются волосы. В этих краях нет смысла пользоваться «утюжком».

Замыкая шествие, я разглядываю спины своих друзей. Их идеальные силуэты на фоне солнца. Всего на мгновение мне кажется, что не существует ничего, кроме нас, Игроков. Мы – силовое поле. И только мы знаем правду о том, что нам пришлось преодолеть, чтобы стать такими.

Ученики из младших классов – *подштанники*, как называет их Никки для краткости, – пробегают по мощеным дорожкам, но никто не приближается к нашему маленькому отряду. Они держатся на расстоянии – нервно одергивают чересчур накрахмаленные белые рубашки, закрепляют пряжки ремней, поправляют плиссированные клетчатые юбки. Никто не осмеливается посмотреть нам в глаза. Все уже усвоили правила игры.

Я успеваю порядком вспотеть к тому времени, как мы добираемся до театрального зала, и, когда Генри открывает передо мной дверь, меня охватывает ужас. Большинство обитых бархатом кресел уже занято, и все таращат на нас глаза, пока мы двигаемся по проходу к нашим местам в первом ряду рядом с мистером и миссис Арнольд. Они оба в черных одеждах. Когда мы подходим, Арнольды встают и поджатыми губами раздают каждому из нас воздушные поцелуи. Чмокающие звуки эхом разносятся по пещерообразному залу, и омлет, съеденный на завтрак, сворачивается у меня в животе. Все это напоминает мне похороны моего деда, когда мы часами стояли, принимая бесконечных гостей, пока мой сморщенный рот не завял вконец, подобно цветку. Я последней приветствую миссис Арнольд, и она впивается мне в кожу алыми ногтями.

– Здравствуй, Джилл, – шепчет она мне на ухо. – С новым учебным годом!

Я ухитряюсь улыбнуться и выдергиваю руку из ее хват-

ки после слишком затянувшейся паузы. Когда я протискиваюсь между Генри и Никки, мое сердце отчаянно бьется. Шайла смотрит на нас из золоченой рамы, водруженной на подставку, напоминающую мольберт, посреди сцены. Ее золотистые локоны ниспадают свободными пляжными волнами, а глубокие зеленые глаза излучают особый магнетизм – спасибо фотошопу. Она выглядит все так же, навечно оставшись пятнадцатилетней, в то время как все мы приобрели лишние прыщи, более болезненные месячные, отвратительное несвежее дыхание.

В зале пахнет копировальной бумагой и заточенными карандашами. Исчез мускусный аромат, поселившийся здесь к концу прошлой весны. Арнольды не ошиблись с выбором помещения для мемориала своей дочери. Этот зал был любимым местом Шайлы на кампусе. Она играла главные роли почти в каждой школьной постановке, выходя с дневных репетиций в эйфории, мне совершенно непонятной.

– Мне необходимо блистать в лучах софитов, – сказала она однажды с глубоким, грудным смехом. – По крайней мере, я могу в этом признаться.

– Доброе утро, школа «Голд Кост», – разрывает тишину привычный голос директора Вайнгартена. Его галстук-бабочка слегка перекосялся, а усы, цвета соли с перцем, были аккуратно подстрижены над острым подбородком. – Я вижу много новых лиц в наших рядах и хочу поприветствовать их от всего сердца. Присоединяйтесь ко мне.

Все поворачиваются к новичкам – детям, которые прежде учились в государственных школах и до сих пор думали, что первый день учебного года начинается с классного часа и переклички, а не с речей, обращенных к мертвой девушке. И вот теперь, в этом незнакомом и странном месте, их выдает замешательство на лицах. Новеньких легко распознать. Когда-то и я была одной из них, в шестом классе. О получении стипендии на обучение мне сообщили всего за неделю до начала занятий, и я пришла в школу «Голд Кост», где никого не знала. От этих воспоминаний у меня едва не начинается крапивница.

– Добро пожаловать! – хором произносит остальная аудитория. Наш ряд молчит.

– Вас, наверное, удивляет, почему мы здесь, почему каждый год начинаем именно в этом помещении. – Вайнгартен делает паузу и вытирает лоб салфеткой. В ярком свете ламп предательски поблескивают капельки пота на его лице, хотя кондиционер включен на полную мощность. – Но мы это делаем потому, что хотим отдать дань уважения и вспомнить одну из наших лучших, самых ярких наших учениц, Шайлу Арнольд.

Головы поворачиваются к портрету Шайлы, но мистер и миссис Арнольд не сводят глаз с директора Вайнгартена.

– Шайлы больше нет с нами, – продолжает он, – но ее жизнь была блистательной, незабываемой. Шайла по-прежнему живет в своей семье, в своих друзьях, в этих залах.

Мистер и миссис Арнольд кивают головами.

– Я здесь для того, чтобы сказать вам, что школа «Голд Кост» была, есть и всегда будет одной семьей. Мы должны и впредь оберегать друг друга, – говорит он. – Мы не допустим, чтобы пострадал еще кто-то из наших учеников. – Локоть Никки упирается мне в ребра. – Так что примите это как напоминание, – продолжает директор Вайнгартен. – В «Голд Кост» мы стремимся делать добро. Стремимся быть великодушными. Мы – рука помощи.

Ага, девиз «Голд Кост».

– Подхватывайте, если знаете слова. – Он улыбается.

Пятьсот двадцать три учащихся «Голд Кост», в возрасте от шести до восемнадцати лет, вторят хором. Даже новички, которых заставили выучить наизусть эту глупую речевку еще до того, как они ступили на территорию кампуса.

– Жизнь прекрасна в «Голд Кост». Наше время здесь для великих дел. Мы – рука помощи, – с жутковатым распевом звучит хор.

– Очень хорошо, – одобряет директор Вайнгартен. – А теперь – по классам. Впереди у нас год напряженной учебы.

Со скорбью покончено, когда наступает время обеда. Дань памяти Шайле – препятствие, которое мы успешно преодолеваем.

Мое сердце содрогается, стоит мне мельком увидеть столик Игроков. Старшеклассники уже собрались, но лучший

столик – тот, что зарезервирован для нас, – пустует и призывно манит.

Он идеально расположен, уютно устроившись прямо посреди столовой, так что всем приходится проходить мимо нас и видеть воочию, как *весело* мы проводим время, даже за обедом. Столы, что окружают нас, предназначены для других Игроков и мелкоты, и по тому, как далеко от нас сидит каждый из них, можно судить о многом.

Мои ступни покалывает от возбуждения, пока мы с Никки продвигаемся вдоль салат-бара, бросая на тарелки кудрявую капусту, маринованную фету и кусочки жареной курицы. Когда мы проходим мимо стола с десертами, я подцепляю шарик сырого песочного теста из стеклянной чаши. Маленький маслянистый шарик на подносе всегда считался признаком девичьей крутизны. Шайла поедала их каждый божий день, пока была с нами. Возле кассы кучка девятиклассников, как и положено, пропускает нас вперед, и, расплатившись, мы направляемся к столу, который неизменно считаем своим. Даже сейчас я все еще удивлена, что мое место пустует, словно ожидая меня. И при виде этого свободного стула – моего, и только моего – я испытываю странный трепет. Стул – как напоминание. После всего, что мне пришлось пережить, я стала своей в кругу избранных. Я этого заслуживаю. Я – победитель.

Мы с Никки – первые за столом, и, когда проскальзываем на свои места, тотчас накатывает знакомое ощущение пре-

бывания в аквариуме. Мы знаем, что за нами наблюдают. И это тоже добавляет веселья.

Никки перекидывает длинные черные волосы через плечо и, расстегивая молнию на рюкзаке, достает картонную коробку неоновой цвета.

– Я пришла подготовленной, – говорит она. Крышка открывается, являя взору десятки миниатюрных батончиков Kit Kat со вкусом тыквы, зеленого чая и сладкого картофеля. Ее родители, должно быть, привезли лакомство из недавней деловой поездки в Японию – без Никки, конечно. Несколько десятиклассников выгибают шеи, чтобы посмотреть, что за гламурное угощение принесла в школу Никки Ву.

– Еще один жест от *Дарлин*. – Никки кивает на яркие обертки и закатывает глаза, когда произносит второй слог имени своей матери.

Родители Никки – текстильные магнаты. Они переехали сюда из Гонконга, когда мы учились в седьмом классе. Во время первого семестра в «Голд Кост» Никки чаще видели сгорбившейся над смартфоном: она постоянно переписывалась с друзьями, оставшимися на родине. Ее совершенно не интересовала наша пригородная жизнь. Это безразличие к нам придавало ей холодности, и она казалась недостижимой. Той весной она стала лучшей подругой Шайлы, когда они вместе работали над школьным мюзиклом. Шайла, что неудивительно, получила главную роль Сэнди в «Бриолине», а Никки предложила себя как костюмера. Тогда мы и узна-

ли, что она – настоящий гуру моды. Созданные ею модели гладких кожаных легинсов и юбок «солнце-клеш» с аппликацией в виде пуделя вполне годились и для Бродвея.

Когда стало ясно, что мне придется делить с кем-то свою лучшую подругу Шайлу, я попыталась подавить ревность. Мне пришлось приспособливаться к их новым общим вкусам («хорошо, что не Netflix»)³ и тянуться за ними, когда они впервые выпили на вечеринке театральной труппы («пиво перед ликером развозит капитально!»). В общем, это срабатало, и к восьмому классу мы слились воедино.

Но на протяжении последнего года жизни Шайлы мы с Никки втайне боролись за ее внимание, не выпуская друг друга из поля зрения. Глупо, конечно, потому что Шайла терпеть не могла игры в любимчиков. Она была верна нам обеим. Когда она умерла, мы с Никки из закадычных соперниц превратились в неразлучных подруг. Звено, что соединяло нас, оказалось разорванным, поэтому мы выковали новую связь. Напряженность в наших отношениях испарилась, мы как будто осиротели и остро стали нуждаться друг в друге. С тех пор Никки стала моей Шайлой. А я – Шайлой для нее.

– С красной фасолью – мои любимые, – говорит она, разворачивая батончик и закидывая его в рот. Я тянусь к коробке и выбираю батончик в ярко-розовой обертке. Слизываю с

³ Netflix – американская развлекательная компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа.

ладони липкую сладость.

– Не-а, – говорю я. – Нет ничего лучше клубники.

– Только если в сочетании с матча⁴.

– Пф. Ну ты и сноб.

– Это называется иметь вкус!

– А как насчет темного шоколада?

Никки жует, обдумывая мое предложение.

– Простой. Классический. Тогда – да.

– Это культовый продукт.

– Как и мы. – Никки сверкает ослепительной улыбкой и разворачивает обертку цвета лаванды. – Жизнь слишком коротка, чтобы наслаждаться только одним вкусом.

– С этим не поспоришь.

Жужжащий гул кафетерия превращается в рев. Я оборачиваюсь и вижу, что мальчишки неторопливо идут к нам. Девяти- и десятиклассники разбегаются в стороны, уступая им дорогу. Роберт на несколько шагов опережает остальных, лавируя между столиками. Генри не слишком отстает от него. Его рюкзак перекинут через плечо, густые волосы песочного цвета аккуратно спадают набок, галстук свободно болтается на шее. Генри приветствует кулаком о кулак Тофера Гарднера – коренастого прыщавого одиннадцатиклассника из Игровых, – жаждущего его внимания. Квентин замыкает шествие, на ходу подмигивая какой-то симпатичной десятикласснице из бейсбольной команды. Малышка краснеет как помидор.

⁴ Японский порошковый зеленый чай.

Роберт первым плюхается на свое место и, срывая крышку с бутылки газировки, разом осушает ее наполовину.

– Привет, детка, – говорит Генри, усаживаясь рядом со мной. Он прижимается губами к маленькой треугольной впадинке над моей ключицей. Дрожь пробегает по моим конечностям, и я слышу, как ахают за столиком позади нас. Группа девятиклассниц в длинноватых юбках, захвативших места в первом ряду, смотрят на нас широко распахнутыми глазами. Напрасно они думают, что могут претендовать на этот столик в течение всего года. Он тоже зарезервирован для нас. Мы отдадим его Игрокам-новичкам в качестве подарка. Они скоро это увидят.

Ну а пока девчонки хихикают, перешептываются за сложенными чашечкой ладонями, поглядывая в нашу сторону.

Марла шлепается на свое место, и вот мы снова все вместе. Сидим просторно, поскольку столы рассчитаны на восьмерых. А с нами уже нет Шайлы и Грэма. Но мы научились рассредоточиваться, занимая больше места, чем нужно. Это помогает. И теперь, когда все Игроки в сборе, игра продолжается.

Воздух между нами накаляется, дрожит от обрывков разговоров, уводящих к выходным, всегда к выходным.

– Я слышал, Энн Мари Каммингс приласкает тебя, если ты скажешь, что тебе нравится ее дерьмовая группа.

– Рид Бакстер обещал, что сегодня вечером принесет мегабутыл. Не впускай его, если он даст задний ход.

– Ну, если ты не хочешь проснуться расписанным фломастерами, в следующий раз не напивайся до чертиков!

Ключки разговоров проплывают над нами и разлетаются по всему залу, как почтовые голуби, рассеивая по школе самые важные новости. Иногда мы наклоняемся друг к другу так близко, что кажется, будто наши головы вот-вот соприкоснутся. Но порой внутренне сжимаемся, образуя партнерства и союзы. *Кто на моей стороне? Друг или враг?*

– Гм! – Никки стучит ножом по банке с сельтерской.

Роберт стонет, но улыбается в ее сторону. Если неделя хорошая, за обедом эти двое обычно обмениваются взаимными ругательствами, выговаривая их одними губами, не отрываясь от своих подносов. Если неделя плохая, Никки делает вид, будто его не существует.

– Вот дерьмо. – Никки высовывает язык и упирает руки в бока, отчего ее грудь вздымается так, что сиськи оказываются прямо под подбородком. Роберт откидывается на спинку стула и поднимает брови, явно впечатленный. Неделя обещает быть превосходной.

– Ладно, мисс Ву, – говорит Квентин. – Валяй, выкладывай.

Никки подается вперед и понижает голос, так что нам приходится наклониться ближе к ней, чтобы расслышать, хотя ничего нового она и не скажет. Сегодня она устраивает вечеринку. (Без балды.) Родители сваливают, улетают в Париж на выходные. (Похоже на правду.) Будет много пива. (Кто бы

сомневался.)

Генри поворачивается ко мне и рукой находит мое бедро под столом. Большим пальцем он выписывает маленькие круги на моей голой коже.

– Я заеду за тобой в половине девятого, – говорит он.

Я растягиваю губы в улыбке, пытаюсь не обращать внимания на жар между ног. Его кожа светится летним теплом, и, клянусь, я до сих пор могу разглядеть линию загара, оставленную солнцезащитными очками на переносице в тот день, когда он предложил мне официально объявить всем о том, что мы – пара. Это был один из самых жарких июньских дней, знойный на суше, но прохладный на лодке его родителей посреди пролива. Переписка в групповом чате на время затухла. Все разъехались на каникулы перед началом элитных летних программ. Я еще не приступила к работе консультантом в местном планетарии. Из нашей компании только мы с Генри оставались дома.

«Ты ведь любишь звезды, правда?» – Генри отправил сообщение вне темы.

Все знали, что я одержима астрономией. Точнее, астрономией *и* астрофизикой. Сколько себя помню, это мой конек. Еще в пять лет я заболела всем, что происходит там, наверху, и папа стал брать меня с собой на Оушен-Клифф после каждого ливня, когда небо самое ясное, и показывал созвездия, галактики, планеты и звезды. Это самая высокая точка Золо-

того берега⁵ – огромное каменное образование, вздымающееся высоко над водой. «Только так можно разобраться в этом хаосе», – говорил папа, когда мы сидели на камнях. Он признался, что всегда хотел быть астронавтом, но вместо этого стал бухгалтером по какой-то причине, которую я никогда не могла понять. Когда мы вернулись домой в ту первую ночь, он прикрепил к потолку моей комнаты пучок светящихся в темноте звезд в виде спиральных ветвей.

Меня успокаивают наблюдения за маленькими чудесами в заоблачной выси, неподвластными времени. Так мне легче прогнать ночные кошмары, справиться с темнотой. Хотя бы иногда.

«А то!» – ответила я Генри.

«Как насчет морской прогулки на закате?»

Я выждала немного, прежде чем ответить. Генри знал, на что давить, и поднажал.

«У меня есть телескоп, можем взять его с собой».

Генри не давал мне проходу с тех пор, как нас распустили на каникулы, – подъезжал к моему дому, предлагал подвезти на вечеринки, присылал странные новостные ролики, которые, как он думал, развеселят меня. Мне надоело ему отказывать, надоело ждать кого-то другого. Поэтому я послала к черту все сомнения и согласилась.

«Ладно. Но аппарат у меня есть. Большой телескоп не

⁵ Прозвище Северного побережья Лонг-Айленда, где с конца XIX – начала XX веков находятся имения богатых и знаменитых.

понадобится».

Портативный «Селестрон»⁶ – подарок от папы на Хануку⁷ в прошлом году – стоял у меня на тумбочке.

Несколько часов спустя мы уже были на полпути к береговой линии Коннектикута, на борту маленького катера «Олли Голаки»⁸, названного в честь двенадцатилетнего золотистого ретривера Генри. Солнце зашло, и жара наконец спадала. Подул ветерок, и первые крошечные звездочки начали пробиваться сквозь облака. Я вдохнула соленый воздух и улеглась на влажную палубу. Волны разбивались вокруг нас, пока Генри развлекал меня удивительно забавными историями о своей первой неделе летней стажировки на «Си-эн-эн»⁹. Он раскраснелся, рассказывая о том, как встречал своих кумиров в коридорах телекомпании. Это было так мило. Потом он достал бутылку розового вина и банку русской черной икры, которую нашел в маленьком холодильнике. Предлагая мне угощение, он задал вопрос, с надеждой в широко распахнутых глазах.

– Так ты хочешь этого? Чтобы мы стали парой?

Ответ напрашивался сам собой. Генри был капитаном команды по лакроссу и ведущим школьного канала новостей.

⁶ Компания Celestron – ведущий дизайнер, производитель и дистрибьютор высококачественных оптических и электронных приборов, среди которых и телескопы.

⁷ Иудейский праздник света, отмечающий восемь дней обновления.

⁸ Olly Golucky (*англ.*) – дословно «Счастливчик Олли».

⁹ CNN (*англ.*) – телеканал, созданный Тедом Тёрнером 1 июня 1980 года.

Своим красноречием он превосходил большинство наших учителей. После выпивки вел себя учтиво, в то время как другие парни превращались в монстров. К его несомненным достоинствам добавлялась и красота в стиле мужских моделей Nantucket J. Crew¹⁰. Густые светлые волосы. Зеленые глаза. Почти идеальная кожа. Он был обречен на величие. Настоящий Игрок. Став его девушкой, я бы здорово облегчила себе жизнь.

К тому же тот, с кем я действительно хотела быть, парень, из-за которого я оказалась здесь, находился за сотни миль отсюда. Так что сделать выбор было несложно. Генри – рядом и стремится быть со мной. Адам Миллер – увы, нет.

– Конечно, – ответила я. Генри уронил банку и липкими руками обхватил меня за талию. Икринки прилипли к моей голой спине. Он бы никогда не узнал, что, пока его язык ласкал мой рот, я мечтала о том, чтобы Адам увидел меня и понял, что потерял.

Раздается звонок, и Роберт пинает Генри ногой под столом.

– Идем, старик. У нас испанский.

– А у нас английский, – говорю я, поворачиваясь к Никки. Она в отчаянии откидывает голову назад, но берет меня за руку и тянет за собой через двойные двери во двор. Солнце смещается, пока мы идем, и, если прищуриться, можно заглянуть далеко за служебную парковку позади здания театра

¹⁰ Американская мультибрендовая сеть по продаже одежды и аксессуаров.

и увидеть, как в устричных киосках опускают парусиновые навесы и собирают пустые ящики, закрывая утреннюю торговлю.

Мы с Никки успеваем пересечь кампус к третьему звонку и плюхаемся за соседние парты. Я достаю свой экземпляр «Великого Гэтсби», классического романа из списка, заданного на лето мистером Бомонтом.

– Привет, девочки, – говорит мистер Бомонт, проходя мимо наших парт. – Хорошо отдохнули летом?

Никки поднимает на него озорной взгляд.

– Отлично.

– Замечательно. – Мистер Бомонт улыбается и поправляет на носу очки в толстой оправе. Он выглядит более загорелым, чем в прошлом году, как будто провел все лето на пляжах Хэмптонс, являя собой взрослую версию одного из нас, что, пожалуй, в некотором смысле так и есть.

Он приехал на Золотой берег три года назад и приступил к преподаванию в нашей школе сразу после Дня благодарения, когда миссис Маллен ушла в декретный отпуск. Мы с Никки и Шайлой оказались на его первом курсе английской литературы, как раз когда узнали об Игроках. В первый же день занятий он покори нас своей дерзостью.

– Не подставляйте меня, и я не подставлю вас, – он произнес это с улыбкой. Шутка. То, что он упомянул о *подставе*, говорило о его крутизне. Сразу видно, *рубит фишку*. Мой телефон зажужжал посреди урока, когда пришло сообщение

от Шайлы. «БЕЗ УМА», – написала она, добавив несколько красных сердечек. Я подняла глаза и поймала ее взгляд.

– Размечталась, – прошептала я одними губами.

Прошло всего несколько дней, прежде чем мы узнали, что он вырос на Золотом берегу. Окончил школу десять лет назад. С дикой копной темных волос и в грязной майке для лакросса, он выглядит совершенным чудиком на своей странице в выпускном альбоме. Генри думает, что когда-то он был Игроком. Даже ходили слухи, что именно он все это затеял. Но я никогда не верила им до конца.

Директор Вайнгартен был настолько доволен его работой в том году, что оформил Бомонта на полную ставку и поручил вести углубленный курс английской литературы, предназначенный только для выпускников. Теперь он называет наш класс своим «первенцем».

Когда мистер Бомонт пускается в монолог о Восточном Яйце и Западном Яйце¹¹, я яростно строчу в тетради, стараюсь записывать каждое его слово.

– Не понимаю, зачем ты это делаешь, – шепчет Никки, указывая шариковой ручкой на мою тетрадку. – Тебе не нужны никакие конспекты.

Очевидно, она права. В файлах Игроков хранится огромная заначка информации по «Великому Гэтсби» наряду с

¹¹ Два полуострова на побережье Лонг-Айленда, повторяющие основной конфликт романа «Великий Гэтсби» – различие между «старыми деньгами» и «новыми деньгами».

сотнями тщательно прописанных учебных пособий для промежуточных и выпускных экзаменов в «Голд Кост». Там же – куча прошлогодних заданий для SAT¹², копии экзаменационных работ по углубленным курсам, неофициальные советы по написанию эссе для колледжа от деканов приемных комиссий Гарварда и Принстона. Прошлой весной я видела эти методички среди экзаменационных листов по органической химии на уровне колледжа, присланных от Игрока, чье имя мне ни о чем не говорило.

«Они никогда не меняют вопросы!» – написал он. – Гребите свои чертовы пятерки!»

Файлы – это наш вход в элиту внутри элиты. Наша возможность преуспеть, даже если мы могли бы сделать это сами. Файлы передаются как награда за нашу преданность, чтобы мы могли наслаждаться всеми прелестями статуса Игроков. Вечеринками. Весельем. Привилегиями. Они отчасти снимают стресс, напряжение. Файлы многое облегчают. Окрашивают в розовый цвет. Не стоит обращать внимание на сокрушительное чувство вины и стыд, заползающие в меня всякий раз, когда я открываю приложение, в котором они хранятся. Файлы – это наша страховка.

Особенно для тех из нас, чьи родители не могут позволить себе оплачивать престижных частных репетиторов и персональные консультации в колледже, стоимость которых сопо-

¹² Scholastic Aptitude Test (англ.) – общеобразовательный американский экзамен, используемый для оценки знаний абитуриентов, поступающих в вузы США.

ставима с обучением в школе «Голд Кост». Или для тех, кому необходимо поддерживать средний балл 93, чтобы сохранить стипендию. Впрочем, остальным не обязательно знать этот нюанс.

– Мисс Ву, – окликает Никки мистер Бомонт. – Что вас так заинтересовало в записях мисс Ньюман? Я удивлен, что вы смотрите на что-то еще, кроме своего телефона.

Никки выпрямляется за партой, и прямые темные волосы рассыпаются по плечам.

– Мистер Бомонт, вы знаете, я так полюбила эту книгу, и мне стало интересно, что думает о ней Джилл.

– А вы, мисс Ньюман, что думаете о Гэтсби? – он спрашивает меня, как будто действительно хочет это знать.

– Ну...

Раздается звонок с урока.

– В другой раз, мисс Ньюман. Всем хороших выходных. Берегите себя, – он обращается ко всему классу, но я чувствую на себе его взгляд, как будто он знает наши секреты, как будто знает, что происходит с Игроками. Все, чем нам приходится жертвовать. Все, что мы должны сделать, чтобы выжить. И прежде всего мы, девчонки.

2

– Джилл! – Генри стоит возле своего автомобиля, почти нового «Лексуса» с любовным прозвищем «Брюс». – Погна-ли отсюда. – Тепло разливается в моей груди, и я спешу к нему, чувствуя, как нас провожает каждая пара глаз.

Я запрыгиваю на переднее сиденье «Брюса» и ставлю сум-ку в ноги, рядом со стопкой книг в твердых переплетах.

– Упс, не обращай внимания. – Генри небрежным жестом показывает на книги. – Новый улов. – Книги нагоняют ад-скую тоску словами «война» и «демократия», мелькающими на обложках. Генри переключает радио на волну своего лю-бимого NPR¹³, и я сдерживаю улыбку. Это так мило, что он бредит журналистикой.

– Мы пригласили кое-кого из новеньких на вечеринку к Никки. – Генри лихо выруливает со школьной парковки, по-махивая на прощание доктору Джарвису, пожилому учителю физики, у которого вечно вся еда на галстукe, но старикан в глубине души обожает меня.

– Уже? – удивляюсь я. – Не слишком ли рано для новичков болтаться в нашей компании? – Я пытаюсь вспомнить свою первую вечеринку Игроков, когда Адам пригласил меня с со-бой. Тогда в воздухе пахло скорее осенней свежестью хру-

¹³ National Public Radio (*англ.*) – крупнейшая некоммерческая организация, которая собирает и распространяет новости с 797 радиостанций США.

стоящих листьев, а не ароматами солнцезащитных кремов. Но у нас пока еще в разгаре сезон SPF¹⁴.

– Роберт начал присматриваться к мелким чувачкам на предсезонке по лакроссу, – продолжает Генри. – Говорит, что у нас уже есть несколько победителей.

Я пожевываю нижнюю губу.

– Но все равно еще слишком рано, тебе не кажется?

– Может быть, – осторожно произносит Генри, как будто действительно обдумывает мои слова, как будто мой голос имеет значение. – Но надо заранее подбирать себе смену. Не об этом ли всегда говорят выпускники?

Ага, смена. Типа подопытных кроликов. Проклятие моего существования. Мне устроили первое боевое крещение через неделю после того, как взяли в команду Игроков. Этот говнюк Томми Котлав приказал мне пробраться в школьную химическую лабораторию после теннисной тренировки и стащить мензурку для его подружки Джули Штраус, чтобы использовать посудину как вазу для цветов. Я чуть не расплакалась на месте. Тогда я еще не знала, что это одно из самых легких испытаний.

– И все равно еще рановато, по-моему, – говорю я.

– Знаешь, Брайс Миллер вполне мог бы сгодиться.

– Он сгодится, – медленно отвечаю я.

– Адам тебе что-нибудь говорил об этом?

Если честно, Адам *прислал* мне сообщение этим утром

¹⁴ Sun Protection Factor (англ.) – солнцезащитный фактор.

перед школой. Текст короткий, но он весь день не выходит у меня из головы: *«Остерегайся моего брата, понял? Я знаю, что ты меня прикроешь, Ньюман».*

– Я уверена, он только и ждет этого, – говорю я.

Генри закатывает глаза.

– Да, но Брайсу придется рассчитывать не только на своего брата. Родство с Адамом Миллером не гарантирует того, что весь мир ляжет к его ногам.

– Верно. – Я хочу прекратить этот разговор. Имя Адама всегда звучит в устах Генри ядовито и озлобленно.

– Посмотрим, подойдет ли он нам. Мы всегда так делаем. – Генри останавливается перед моим домом.

У меня мурашки бегут по коже, и мне не терпится сбежать от его вопросов об Адаме. Я оставляю быстрый поцелуй на его щеке.

– Увидимся позже, детка.

– Джилли! Это ты? – доносится голос мамы, когда я распахиваю дверь. – Я на кухне. Иди сюда!

Она частенько встречает меня дома в льняных топах свободного кроя и широких шелковых шарфах, и ее руки художницы всегда вытаскивают что-то из духовки или коробки с красками. Сегодня она заворачивает в фольгу щедрый противень лазаньи. Она традиционно готовит это блюдо по случаю начала учебного года.

– Как все прошло? Первый день выпускного года! – чуть ли не визжит она. От возбуждения ее разрастающиеся мор-

щинки превращаются в кратеры.

– Отлично! – Я широко улыбаюсь, чтобы не давать повода *не* верить мне.

– Это машина Генри?

– Ага.

Она качает головой и смеется.

– Какой парень.

Хотя и перешагнувшая удручающий пятидесятилетний рубеж, мама по-прежнему остается самой ослепительной женщиной в нашей округе. Активистка трех книжных клубов, сестринской церковной общины и самых разных общественных проектов Золотого берега, она при этом успевает ваять элегантные керамические горшки и причудливые извилистые вазы, которые раз в сезон приводят ее на страницы журналов *Vogue* и *Architectural Digest*¹⁵. Можно подумать, что ее *крутизна* позволяет нам угнаться за богатыми отпрысками из «Голд Кост», но реальность включает в себя долгие часы преподавания искусства керамики в местном колледже и частные уроки для гиперпривилегированной элиты. Мама говорит, что все эти усилия не напрасны, потому что дают ей возможность заниматься любимым делом и дарить нам детство, которого у нее никогда не было. Ее родители, хиппи конца семидесятых, снабжали товаром второсортные рок-группы, разъезжая по округе в фургоне. То, что она сумела устроить нас с Джаредом в частную школу, – как почет-

¹⁵ Журнал об архитектуре и дизайне интерьеров.

ная награда для нее, даже если вся эта ситуация вызывает у меня чувство, будто я таскаю на себе их с папой надежды и мечты как драгоценную тяжеленную ношу.

На самом деле я не замечала их упорного стремления к моему совершенству вплоть до пятого класса, когда мама с папой не так уж тонко предложили мне подать заявку на получение гранта от фонда бывших выпускников «Голд Кост» для обучения по программе STEM¹⁶. Грант выдавали тайно каждый год, и он обеспечивал одному-единственному счастливчику полный доступ к многомиллионному научному крылу школы, углубленным курсам и внеклассным занятиям. Десятки выпускников в дальнейшем продолжили обучение в университетах по лучшим научным программам, что неудивительно. Я никогда не видела маму и папу такими счастливыми, как в тот день, когда мне присудили грант.

Не то чтобы «*стипендиат*» написано у меня на лбу, но порой, клянусь, это, должно быть, очевидно. Я не ношу дизайнерские мокасины, которые хоть как-то компенсируют унылую плиссированную клетчатую юбку. У меня нет собственной машины. Я не провожу лето на пляжах Хэмптонса. «Кому нужен пляжный дом, когда *живешь* рядом с пляжем!» – воскликнула мама, когда еще в средних классах я сказала ей, что Шайла пригласила меня к Арнольдам в их особняк на

¹⁶ STEM (англ.) (сокращенно от Science, Technology, Engineering and Math, т. е. Наука, Технологии, Инжиниринг и Математика) – учебная программа, основанная на идее обучения студентов по четырем конкретным дисциплинам, используя междисциплинарный и прикладной подход.

Восточном побережье.

Грант не покрывает всех расходов – приходится за свой счет приобретать школьную форму, учебники и оплачивать членские взносы на науку. Ну, и полностью – обучение Джареда, конечно. Родители тратят все свои ресурсы на то, чтобы мы оба могли учиться в «Голд Кост», в надежде на то, что это как-то окупится. Что мы с моим младшим братом поступим в достойные колледжи – в идеале, из Лиги плюща¹⁷, – чего не гарантирует Картрайтская государственная средняя школа, где аттестаты получает лишь половина выпускников.

Чем платить за колледж – это до сих пор щекотливый вопрос, и я стараюсь даже не заикаться об этом. Я притворилась, будто не слышала приглушенный спор родителей поздним вечером, когда они считали, что мы уже спим.

– Пусть она сначала поступит, – прошептал отец. – А уж потом будем думать.

Но стоит ли оно того? Долгие часы, что папа проводит в бездушном офисе, сгорбившись над цифрами? Фальшивые улыбки, которые излучает мама, когда ей приходится делать вид, будто эти ужасные пьяницы – блестящие художники? Мой решительный настрой на успех? И вот тут-то в игру вступает архив Игроков. Я должна постараться. Для себя, но в основном для родителей.

¹⁷ Ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. Университеты, входящие в лигу, отличаются высоким качеством образования.

Здесь, на Золотом берегу, мама безнадежно оптимистична. Она из тех, кто доверяет почти всем, *«потому что люди по природе своей хорошие, Джилл, по-другому и быть не может»*. Даже после того, что случилось с Шайлой, она все еще повторяет это.

Тот же самый девиз заставил ее сказать «да» на одном из собраний сестринства, когда Синди Миллер предложила, чтобы ее восемнадцатилетний сын за символическую плату подтягивал Джареда по английской литературе.

– Считай, что ты свободна, – обрадовала меня мама, объяснив, что мне больше не придется слушать, как Джаред читает вслух. – С ним будет заниматься Адам Миллер.

– Что?! – Я обалдела. Все в «Голд Кост» знали Адама. Мало того что божественно красивый – с длинными жилистыми руками, пышными темными волосами и голубыми глазами, способными растопить лед, – он был еще и блестяще одаренным. Три года подряд Адам выигрывал национальный конкурс молодых драматургов и, по слухам, продавал свои сценарии многим региональным театральным компаниям... *будучи старшеклассником*. Колледжи буквально умоляли его поступать на их писательские программы. И, разумеется, он входил в касту Игроков.

Так какого черта ему понадобилось проводить пятничные вечера за чтением книг по главам с шестиклассником?

Мама поправила на себе толстый вязаный свитер, надетый поверх джинсов, и застегнула на шее тяжелое керамическое

ожерелье.

– Это предложила Синди. Ему нужен *реальный опыт работы* или что-то в этом роде. Вероятно, для заявлений в колледжи.

В тот вечер родители собирались поужинать в ресторане, а я договорилась пойти к Шайле на киномарафон, но мой мозг буквально закоротило при мысли о том, что можно провести время с Адамом.

Вне школы.

Наедине.

Ну, после того как он закончит репетиторство.

Я быстро написала Шайле извинение. «*Болит горло. Прости!!!!*»

Она ответила рыдающим смайликом, но не заподозрила обмана. Когда я сказала маме, что плохо себя чувствую и остаюсь дома, ее губы растянулись в легкой понимающей улыбке.

– Конечно, Джилл.

Папа рассмеялся и пробежался расческой по волосам.

– Классика.

И тут раздался звонок.

Я старалась сохранять невозмутимость и лишь слегка дернулась в сторону двери, но Джаред опередил меня.

– Так ты и есть репетитор? – усмехнулся он, разглядывая Адама.

– Угадал, приятель. Ты, должно быть, Джаред. – Адам

сверкнул широкой улыбкой. Слегка кривоватой, но добро-
душной. Он сложил руки на груди, отчего его тонкая белая
футболка натянулась на бицепсах, идеально округлых, глад-
ких и сильных. В джинсах и футболке он выглядел намно-
го старше, чем в форменном блейзере и брюках цвета хаки,
обязательных для всех мальчиков в школе. Моя шея вспых-
нула от смущения. Я боролась с желанием лизнуть его ко-
жу. – А ты, по-видимому, Джилли, – сказал он.

– Я... э-э... – пролепетала я. – Просто Джилл.

– Джилл. – Звук его голоса, произносящего мое имя, пья-
нил. «Скажи это еще раз», – мысленно взмолилась я. –
Джилл, – продолжил он, словно читая мои мысли, – я не
знал, что ты тоже будешь здесь.

Прежде чем я успела ответить, в прихожую ворвалась ма-
ма.

– Адам! Мы так рады, что ты согласился помочь Джареду.
Мы идем ужинать в ресторан, но номера наших телефонов
в записке на столе – рядом с твоим чеком. Пицца на кухне.
Угощайся, ни в чем себе не отказывай. – И они с папой ушли.

Адам одарил меня еще одной из своих обволакивающих
улыбок и повернулся к Джареду.

– Готов, чувак?

Джаред застонал, но послушно поплелся за Адамом на
кухню. Я плюхнулась на диван в гостиной и включила теле-
канал Bravo¹⁸ на самой низкой громкости, чтобы все выгля-

¹⁸ Американская популярная кабельная и спутниковая телесеть, запущенная в

дело так, будто я занята и определенно не подслушиваю.

Прошел час, прежде чем Джаред вломился в комнату.

– Моя очередь. – Он схватил пульт и переключил телевизор на какой-то дурацкий фильм про супергероев.

Адам не последовал за ним, и я на цыпочках прошла на кухню, чтобы посмотреть, не ушел ли он.

– Привет, – сказал он, когда я появилась в дверях.

Я тотчас зарделась.

– Ну, как он справился?

Адам вытянул руки над головой, обнажая тонкую полоску кожи и еле заметную дорожку выющихся пушистых волос над поясом джинсов. Мне пришлось подавить резкий вздох.

– Довольно-таки неплохо. Малыш – просто прелесть. – Он кивнул на полупустую коробку с пиццей на столе. – Присоединишься ко мне? Ненавижу жевать в одиночестве.

Он не стал дожидаться моего ответа. Вместо этого схватил со стола коробку и направился в дальний конец кухни, к сетчатой двери на террасу, выходящую на задний двор. Я последовала за ним. Он бросил коробку на стеклянный столик и снова исчез на кухне. Когда он вернулся, в руках у него были два стакана со льдом и две банки газировки.

– Спасибо, – поблагодарила я, когда он протянул мне стакан.

Но прежде чем сделать глоток, он порылся в кармане и вытащил металлическую прямоугольную фляжку. Отвинтил

крышку и плеснул себе в стакан немного темной блестящей жидкости. – Хочешь попробовать? – спросил он, вскинув брови. – Я никому не скажу, если откажешься.

Я кивнула. От вкуса первого глотка я закашлялась.

– Потом станет легче, – произнес он со смехом.

Я хотела сказать ему, что уже баловалась выпивкой раньше. Что я тоже крутая. Но вместо этого просто поднесла стакан к губам и снова глотнула, вслушиваясь в перезвон кубиков льда. Алкоголь обжигал, воспаляя нервные окончания в подушечках пальцев. И тогда я сделала то, что делала всегда в состоянии тревоги. Я посмотрела на небо. Звезды кружились над головой, и я могла без труда отыскать своих любимчиков. В сознании ожили инструкции отца. *«Найди Полярную звезду. Посмотри вниз, налево. Затем еще немного наклони голову набок. Есть. Большая Медведица»*. Спокойствие разлилось во мне теплой волной.

Я сделала еще глоток.

– Итак, Джилл, – сказал Адам, растягивая последнюю букву моего имени. *Джи-л-л-л-л*. – Кто же ты?

Я рассмеялась.

– В каком смысле? – Нервы снова загудели. Я заставила себя найти Пояс Ориона¹⁹ и сосредоточиться на трех мигающих огоньках вместо вопроса Адама.

– Ты меня слышала, – сказал он. – Кто ты? Кто такая

¹⁹ Три яркие звезды в созвездии Ориона, расположенные по прямой линии и почти на одинаковом расстоянии друг от друга.

Джилл Ньюман?

Я закусила щеку и опустила глаза, а потом перевела взгляд на него.

– Никто.

– Это неправда.

– Нет?

– Нет. Ты просто еще в стадии становления.

У меня отвисла нижняя губа. Он попал в точку, и это задело за живое.

– Ничего страшного. Я сам такой, – сказал он. Адам поднял свой стакан, как будто хотел провозгласить тост за меня. – Мы выясним вместе.

Потом он протянул ко мне руку и вытащил телефон из кармана моих джинсов. От этого небрежного жеста мои внутренности превратились в желе, а пальцы ног сжались.

– Вот, – сказал он, порхая пальцами по клавишам. – Отправляю себе эсэмэску, так что теперь у меня сохранится твой номер.

Тем же вечером, спустя несколько часов после того, как мы прикончили остатки холодной пиццы, не оставив ни крошки, и Адам ушел домой, зажужжал мой телефон.

«Я знаю, кто ты», – написал Адам.

«О, да? Расскажи».

«Мой новый критик». Повисла пауза, но вскоре Адам прислал огромный блок текста, сопровождаемый объяснением. «Начальная сцена моей будущей пьесы. Ты первая, кто это

прочтет. Скажи мне, если отстой, Ньюман. Я не обижусь».

Мое сердце бешено колотилось, пока глаза расшифровали строчки. Сдерживая улыбку, я ответила.

«Польщена».

Вот так все и началось.

Вскоре он стал приходить раз в неделю, чтобы читать и делать домашние задания с Джаредом. А потом проводил время со мной. Обычно по пятницам. Иногда по средам, когда мама вела вечерние классы, а папа задерживался на работе. Но только не по субботам. Эти вечера принадлежали Игрокам.

Поначалу я никому не говорила о том, что мы общаемся. Мне хотелось держать отношения с Адамом в секрете. Я жаждала большего. В школе я следила за тем, как он порхает между классами и занимает свое место за столиком Игроков. Он не был вожаком, но так или иначе скреплял их отряд. Все обращались к нему за одобрением, старались рассмешить его своими шутками, стремились послушать его фантастические истории.

Между нами сложилось негласное взаимопонимание. У меня дома мы были в безопасности. В школе приходилось маскироваться. Мы лишь изредка обменивались тайными улыбками в коридорах. Но однажды в четверг, когда я проходила мимо него на перемене между вторым и третьим уроками, он изменил правила. Адам выставил вперед указательный палец и на мгновение прижал его к моему плечу. Его

прикосновение пробежалось дрожью по моим венам, погружая меня в альтернативную реальность.

Так Шайла и узнала нашу тайну.

– Что это было? – спросила она, обгрызая кутикулу по отвратительной привычке, от которой тщетно пыталась избавиться. После ее смерти привычка перешла ко мне. – Откуда Адам Миллер знает, кто ты такая?

Я сдержала улыбку.

– Он занимается с Джаредом. Думаю, наши мамы – подруги.

– Ха. – Шайла не сводила глаз с Адама, пока тот скользил по коридору, сворачивая в математическое крыло. За ним тянулась стайка учеников. – Он встречается с Рейчел, ты же знаешь, – прошептала она. – Рейчел Кэллоуэй. – Мое сердце вспыхнуло и треснуло. Ослепительная Рейчел, старшая сестра Грэма. Капитан команды по хоккею на траве. Президент класса. Величественная богиня. Выпускница. Игрок. Короле, для меня – хуже не придумаешь.

– Знаю, – солгала я.

– Мы виделись с ним летом раз или два, – сказала Шайла. – Вместе с Грэмом.

Я молчала, закипая от злости. Шайла опять хвасталась передо мной. Сначала бойфрендом, потом вниманием Адама.

Но, возможно, она поняла свою оплошность, потому что быстро дала задний ход.

– Впрочем, он не очень-то хотел видеть нас рядом с со-

бой, — добавила она.

Я всегда завидовала Шайле — ее одежде с запахом лета и такой мягкой на ощупь, ее уверенности и тому, как уютно она себя чувствовала со своими длинными ногами и растущей грудью. У нее никогда не было жирных прыщиков на спине или странного тонкого пушка над верхней губой. Даже волосы у нее никогда не выбивались из прически, стойкие к влажной дымке Золотого берега.

Я завидовала тому, что ей так *легко* все дается. Что она может быть первой ученицей в нашем классе, пробегать мили, играть главные роли в школьных постановках, очаровывать любого без особых усилий. Она говорила, что по-настоящему боится только одного. Высоты. Совершенно здоровый, обычный страх.

— Нет. Ни за что, — сказала она в седьмом классе, когда я умоляла ее прокатиться со мной на чертовом колесе во время ежегодного фестиваля устриц. Этот аттракцион всегда устанавливали на краю утеса Оушен-Клифф, поэтому, достигая верхней точки, казалось, что летишь в пропасть. — Ты же *знаешь*, я не дружу с высотой. — Она поморщилась, когда ее глаза скользнули по металлическому монстру.

А в остальном Шайла могла придать чему угодно гламурного шика, таинственности, авантюризма. И все знали, что, прибавшись к ней, можно навсегда избавиться от скуки.

Она и выглядела особенной. Глаза травянисто-зеленого цвета сияли ярче, когда ее охватывало волнение. Шайла пер-

вой в нашем классе стала носить лифчик. Миссис Арнольд даже покупала ей бюстгальтеры с «пуш-ап» вставками, отчего груди стояли торчком. Ее тело как будто трансформировалось с бешеной скоростью. В то время как я все еще боялась самой себя и той силы, которой обладала или не обладала. Но во мне, похоже, было *что-то*, что нравилось Адаму, что заставляло его болтаться рядом со мной, даже если у него и была девушка. Может быть, мое умение слушать. Моя готовность сказать «да». Сколько себя помню, я хотела переплюнуть Шайлу хоть в чем-то. Теперь же у меня появился доступ к Адаму. Сомнительное преимущество, но я могла извлечь из него пользу.

– Может, я зайду как бы невзначай? – тихо спросила она. – Когда он будет у вас дома?

– А как же Рейчел? – Я старалась не выдать своего недовольства.

Шайла пожала плечами.

– Да брось ты. Рейчел мне как старшая сестра. Она только порадует за меня. К тому же это поможет нам попасть в клуб Игроков. Рейчел сказала, что не может ничего гарантировать.

Она знала, что на это мне нечего возразить, но я взяла с нее обещание не говорить Никки.

– Если мы встретим его дома втроем, это будет похоже на засаду, – объяснила я. – Мы же не хотим выглядеть так, будто выуживаем приглашения на вечеринки. – Она согласилась.

В ту пятницу, когда Шайла пришла со мной домой после школы, я порядком нервничала. Боялась, что она понравится ему больше, чем я. Или что в его команде подружек-девятиклассниц найдется место только для одной из нас. В те вечера, когда он бывал у нас, я бродила, словно на ходулях, стараясь не упасть и не оступиться. И теперь, когда рядом со мной появлялась достойная соперница, я чувствовала, что пространство для маневра сужается.

В дверь позвонили, и Шайла бросилась к лестнице. Я поспешила следом, но она сама открыла дверь, протискиваясь между мной и Адамом.

– Шайла? – Удивленная ухмылка появилась на его лице.

– Я здесь ночую, – сказала она.

– Забавно. – Он вскинул брови, поглядывая на меня, заинтригованный. – Грэм тоже уехал из города? – спросил он.

Она кивнула.

– Последний уик-энд на востоке.

– Рейчел была *в бешенстве*, – сказал Адам.

– Грэм тоже. – Шайла сморщила нос.

Я пыталась вникнуть в их болтовню, но они как будто говорили на другом языке. Как общаются люди, посвященные в какие-то семейные тайны и причуды, которые держат за закрытыми дверями. Когда же мое беспокойство достигло точки кипения, Адам проскочил мимо Шайлы и заключил меня в медвежьи объятия, положив голову мне на макушку.

– Привет, Ньюман, – пробормотал он, уткнувшись в мои

волосы. Я обхватила его руками, чувствуя исходящий от него жар. В тот вечер я впервые могла с уверенностью сказать, что мы с Адамом – друзья. И Шайла убедилась в этом воочию.

В течение следующего часа мы с Шайлой смотрели YouTube, пока Адам не вышел из кухни, а Джаред не бросился в подвал к своим видеоиграм.

– На террасу? – предложил нам Адам. Не дожидаясь ответа, он направился к сетчатой двери. К тому времени он уже знал, какая половица скрипит, куда нужно ступить, чтобы обойти липкое пятно от сока. Он уселся на свое место под яблоней, ни разу не подарившей нам ни одного плода, и порылся в кармане.

Мы с Шайлой устроились по обе стороны от него. Она покусывала пальцы, терзая зубами кутикулу.

– У меня для вас сюрприз. – Адам положил руки на стол.

– Бурбон? – спросила я, пытаюсь нащупать грань между осведомленностью и отчаянием и надеясь не переступить ее.

Он отрицательно покачал головой.

– Лучше. – Словно фокусник, он раскрыл ладони, демонстрируя скрученную из папиросной бумаги трубочку, сплюсненную с одного конца.

Шайла хихикнула.

– Да!

– Дымила раньше? – спросил он Шайлу. Я бросила на нее быстрый взгляд. Мы еще не пересекли эту черту.

– Один раз, с Карой, – ответила она. – У нее было сырое

дерьмо из города. — *Сырое дерьмо*. Таких слов я никогда не слышала от Шайлы, тем более в отношении ее шикарной подруги, которая тоже проводила лето в Хэмптонсе.

Адам кивнул и вскинул брови, явно впечатленный.

— *Et tu*²⁰, Джилл? — спросил он, тыча в мою сторону сигаретой. Я отрицательно покачала головой. — Что ж, тогда пришел твой день. — Он положил руку мне на колено, и у меня внутри все сжалось. Зажимая косячок губами, такими розовыми и полными, он щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся.

— Ах, — выдохнул он. В воздухе разлились запахи мускуса и сырой земли, чем-то напоминающие мамину гончарную мастерскую, и мне стало интересно, занимались ли этим мои родители, когда учились в школе, и не задержалась ли я в роли вечно отстающей и догоняющей. Я взяла сигарету у Адама и последовала его примеру, втягивая дым, пока не почувствовала, что мозг вот-вот взорвется. Легкие расширились, и я задалась вопросом, как долго следует удерживать этот странный воздух внутри себя. Адам кивнул, и я выдохнула, выпуская облако дыма. Мои конечности налились тяжестью, и мне стало хорошо. Еще одна задача выполнена. Еще одна черта пересечена.

Мы передавали косяк по кругу, и, когда тот догорел, Адам достал второй. Вскоре мы прикончили и близнеца. Жад-

²⁰ А ты? (*фр.*)

ные до впечатлений и глупые. Адам приготовил начос²¹, и мы танцевали на кухне под музыку «мотаун»²². Мы с Шайлой взяли Адама в кольцо, держась за руки, пока он прыгал вверх-вниз. Потом все рухнули на диван, и Адам истерически захохотал, когда я настояла на том, чтобы мы посмотрели клип, где панды скатываются с горки.

– Джилл! Я не могу, не могу! – кричал он, хватая ртом воздух. И смеялся так сильно, что слезы катились по его щекам. Пребывая в дурмане, я чувствовала себя совершенной и удовлетворенной. Я рассмешила Адама Миллера. Я, самая веселая старшеклассница «Голд Кост».

Вскоре Шайла уснула на диване. Когда Адам это заметил, он повернулся ко мне и сказал:

– Давай посидим на воздухе.

Я последовала за ним на террасу, но на этот раз он спустился по ступенькам и направился к белому плетеному гамаку, подвешенному между двумя кедрами в дальнем углу двора. Он жестом пригласил меня присоединиться к нему. Я медленно опустилась в гамак, и мы улеглись «валетом», прижимаясь друг к другу боками. Его рот находился так далеко, но я видела, что он дразнит меня.

Я запрокинула голову вверх, пытаюсь разглядеть на небе

²¹ Закуска мексиканской кухни – чипсы из кукурузной тортильи с различными добавками.

²² Motown Records – американская звукозаписывающая компания, первый лейбл звукозаписи, созданный афроамериканцем и продвигающий чернокожих исполнителей в мейнстрим мировой поп-музыки.

что-то знакомое. Но чернильную ночь окутал туман. И над нами висели лишь облака. Я осталась наедине со своими спутанными мыслями.

Он положил голову мне на ступни, и я мысленно вознесла благодарственную молитву за то, что сегодня утром накрasila пальцы ног ярким бирюзовым лаком. Поднялся бриз с залива, и я уткнулась в его ноги. От них исходило тепло, и тонкие волоски щекотали мой подбородок, когда я прижалась теснее.

– Ты не такая, как все, – сказал он.

– Ты тоже.

Он погладил мои ступни, сжимая в кулаке каждый палец. – Тебе стоит как-нибудь потусоваться со мной и моими друзьями.

– Я не против.

– Ты бы им понравилась.

– Может быть, – сказала я.

– Я рассказывал им о тебе.

Я почувствовала ком в горле.

– И что ты им рассказываешь?

– Что ты – та еще дрянь. – Он засмеялся и обхватил мою ступню рукой. Я согнула пальцы в знак протеста. – Что ты такая же, как мы.

Я задумалась над его словами, не понимая, что он имеет в виду.

– Я вижу, как ты поглядываешь в нашу сторону за обе-

дом, – продолжил он. – Когда-нибудь этот столик будет твоим. Не беспокойся. – К глазам подступили слезы, и я украдкой взглянула на Адама, когда он коснулся губами нежной кожи внутренней стороны ступни. По моему телу пробежала искра, и к бедрам хлынуло тепло. Я вздрогнула, и в следующее мгновение мы оба оказались на земле ворохом сплетенных конечностей, волос и травы. Глаза Адама – ярко-голубые, налитые кровью, – отыскиали мои глаза. Он схватил меня за запястье.

– У меня есть девушка, – прошептал он.

Я судорожно вздохнула, и мое сердце остановилось.

– Знаю. – Я наклонила голову так, чтобы мои волосы закрыли меня от его взгляда.

– Мы же друзья. Ты и я. – Слово «друзья» в его устах облагоула магическим нежным притяжением и звучало как величайшая честь, которую он мог даровать.

– Друзья, – повторила я.

Указательным пальцем Адам приподнял мой подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом.

– Друзья. – Его губы смягчились улыбкой. Во дворе вспыхнули фары, давая понять, что вернулись родители, и Адам отпустил меня. Он вошел в дом, и я осталась одна.

– Сегодня большая вечеринка? – Джаред прислоняется к дверному косяку моей спальни и запускает руку в волосы, наматывая выющуюся прядь на указательный палец. Волосы у него чернильного цвета, как и у меня, и на фотографиях мы выглядим как близнецы, хотя я старше на три года.

– Да, у Никки. – Я бросаю взгляд на переполненный мешок косметики на туалетном столике.

– Ага. У нас на истории какие-то ребята обсуждали это. Твой парень пригласил их. – Его голос подрагивает на слове «парень».

– Генри? Да, он что-то говорил.

Джаред разглядывает свои руки, и я на мгновение задумываюсь, не остаться ли мне дома с братом. Мы могли бы надеть пижамы и плюхнуться на диван, под мамин уютный плед, предназначенный исключительно для вечерних кинопросмотров. Джаред только что взялся за роман «Над пропастью во ржи», заданный мистером Бомонтом для девятиклассников, и мне очень хочется убедить его, что Холден – сущий говнюк, прежде чем братец начнет прославлять самодовольного юнца.

– Можно тебя кое о чем спросить? – осторожно произносит Джаред.

– Что такое?

– Могу я когда-нибудь тоже пойти? На вечеринку?

– Зачем? – Вопрос вырывается сам собой, прежде чем я успеваю подумать, и звучит немного жестче, чем хотелось бы. Но с чего вдруг Джареду приспичило пойти на вечеринку Игроков? Большинство его друзей играют вместе с ним в школьном оркестре. Они проводят субботние вечера, копаясь в стопках старых комиксов в книжном магазине в центре города, или пересматривают на YouTube лучшие моменты матчей НБА²³. Для меня облегчение, что он не проявляет интереса к вечеринкам, отчаянной, жадной потребности куролесить в темноте, присущей всем нам жажды что-то разрушить и самоутвердиться. Я предпочитаю, чтобы все так и оставалось, хочу уберечь брата. – Я имею в виду, зачем тебе это?

Выбившийся завиток падает ему на лоб.

– Не знаю. Просто кажется, что это весело.

– Возможно.

– Правда?

– Конечно. – Я тут же жалею о сказанном. Мне совсем не хочется, чтобы он увидел вечеринку Игроков. Ему там не место. Шайла чувствовала себя среди Игроков как рыба в воде, могла дать сто очков вперед любому из нас – и чем все это обернулось?

Его лицо светится от радости, и, когда я, покончив со сборами, подхожу к двери, он крепко обнимает меня. Теперь он

²³ Национальная баскетбольная ассоциация.

выше меня ростом, и его плечи, некогда мягкие, костлявые на ощупь. Мой младший брат уже не ребенок.

Генри, словно мой телохранитель, шагает впереди меня, прокладывая путь через толпу. Тусовка Игроков и подающих надежды новичков расступается перед нами, и несколько дерзких мальчишек нерешительно протягивают к нему вскинутые для приветствия ладони или кулаки. Еще летом Генри рассказывал мне про своего кумира, Андерсона Купера²⁴, восхищаясь тем, как классно тот работает с источниками, втирается к ним в доверие, а потом выуживает самую ценную, шокирующую информацию. Теперь я задаюсь вопросом, не эту ли стратегию выбрал Генри для общения со старшеклассниками в школе и здесь.

Оглушительный хип-хоп рвется из стереосистемы, и дом Никки уже пропитан зловонием липкого пролитого пива и духотой. Обеденный стол сплошь уставлен красными пластиковыми стаканчиками, так что даже не видно скола, оставленного пинком Роберта прошлым летом. Родители Никки ничего тогда не сказали, хотя стол сделан из хрусталя и подарен каким-то известным швейцарским художником. Никки даже не уверена, что они заметили что-либо.

Никки снова в центре внимания. Она висит вниз головой над бочонком пива, ухватившись за металлические ручки. Тайлер Ренфорд, тихоня из команды по гольфу, уже мно-

²⁴ Американский журналист, писатель и телеведущий.

го лет сохнувший по Никки, держит ее за ноги, пока кто-то засовывает ей в рот пивной шланг.

– Ни-кки! Ни-кки! Ни-кки! – скандирует толпа. Никки с девятого класса показывает этот фокус с бочонком. Впрочем, у нее большая практика. Ей пришлось изображать «живой бочонок» на каждой вечеринке Игроков в течение всего семестра. Это стало ее коронной фишкой. Я вырываюсь из рук Генри и отыскиваю Марлу на кухне за рабочим столом, уже заваленным полупустыми бутылками и пластиковыми стаканчиками.

– Слава богу, – говорит она, когда я крепко обнимаю ее. – Это место просто кишит подштанниками. Нам нужно подкрепление. Выпьешь? – предлагает она, хватая бутылку водки. Выглядит смерти подобно.

Я киваю, и она наливает немного водки в красный стакан, добавляя туда сельтерской воды и ананасного сока.

– До дна, – говорит она.

– За последний год. – Я вскидываю брови, и она издает свой неподражаемый тихий, теплый смешок.

– Наконец-то мы на финишной прямой.

Первый глоток обжигает горло. Не оставляя себе шанса передумать, я залпом допиваю коктейль. Пройдет совсем немного времени, и знакомое ощущение электрического тепла разольется по телу. Я оглядываю темную гостиную в поисках Никки, которая теперь стоит на ногах.

– Где ты пропадаешь? – Никки крепко обнимает меня,

прижимаясь щекой к моей щеке. Она на шпильках, так что ей приходится наклоняться, чтобы смотреть мне в глаза. — Вибрация сумасшедшая! — кричит она, перекрывая рев музыки. — Давай ненадолго поднимемся наверх. Хватай всех.

Я ловлю взгляд Генри и делаю шаг в сторону винтовой лестницы, расположенной посередине комнаты. Марла показывает на нее и одними губами произносит: «Наверх?» Я киваю, и она забирает Квентина и Роберта из столовой, где они пытаются организовать турнир по переворачиванию стаканчиков.

Мы вшестером поднимаемся по лестнице, пуская вечеринку на самотек. Никки распахивает дверь в свою комнату, и мы заходим следом за ней, как делали это сотни раз. Поначалу казалось странным, что после девяти месяцев безостановочных тусовок из наших рядов выбыли сразу двое. Но постепенно мы привыкли и научились как-то заполнять пустоту. Никки заговорила с неприкрытым едким сарказмом Шайлы, а я в минуты волнения завязывала волосы свободным узлом, точно так же, как это делала Шай, когда погружалась в сценарий во время репетиций. Марла даже позаимствовала цокающую каблуками походку Шайлы, слышную во всех коридорах школы.

Парни ничего не переняли у Грэма. Даже Роберт, его лучший друг. Мы как будто полностью стерли его из памяти.

Квентин делает стремительный прыжок к огромной королевской кровати Никки и приземляется посередине, без-

жалостно комкая аккуратно расстеленное покрывало. Никки включает вращающийся зеркальный шар, создавая идеальную дискотечную атмосферу.

— Здесь куча народу, — говорит Генри, плюхаясь в бархатное пурпурное кресло в углу. Я сажусь к нему на колени, и он обхватывает меня за талию, прижимая к своему крепкому торсу. — Я видел на заднем крыльце девятиклашек, которых сам пригласил. Думаете, им весело?

— Еще бы, чувак. Как можно здесь не веселиться? Для них тут столько приколов и игр, пока мы не задавим их проверками на прочность, — говорит Роберт.

— Еще только сентябрь. У нас впереди куча времени. — Никки толкает его в плечо, и Роберт устраивается рядом с ней, откидываясь на подушки и обнимая ее за плечи. — Это будет лучший год в нашей жизни, — восклицает Никки, и мне очень хочется, чтобы она оказалась права.

— Надеюсь, — подхватывает Марла. — Наконец-то мы на вершине. И управляем этим дерьмом. — Квентин толкает ее локтем, и они оба заваливаются на Роберта.

Генри закатывает глаза, но запрыгивает на них, увлекая меня за собой, так что мы устраиваем кучу малу. Если мы и вправду *управляем этим дерьмом*, это означает, что нам под силу все изменить.

— Я люблю вас, ребята! — кричит Квентин, стучаясь об меня головой.

— Ты слишком эмо для меня сейчас, — говорит Роберт. —

За мнооой!

Роберт переехал на Золотой берег из Манхэттена в шестом классе и так и не стряхнул с себя глянцевоый налет городского парня. На его имидж работало и то, что он мог провести кого угодно в любой клуб Сохо – во всяком случае, так он говорил, – и он первым из нас обзавелся фейковым удостоверением личности, которое нашел в каком-то подвале в Квинсе. Вот почему его выбрали Игроки. Популярности ему добавляла умопомрачительная коллекция уличной одежды, и к тому же его отец владел кучей курортов на Карибах, а мама когда-то носила титул «Мисс США». Роберт, этот слишком самоуверенный, надменный всезнайка, как-то умудрился очаровать нас и завоевать нашу дружбу.

Роберт становился непредсказуемым и отвязным на вечеринках, превращаясь в дикое животное и испытывая окружающих на прочность. На какие подвиги он мог раскрутить нас, жителей тихого пригорода? Прошлой зимой он вызвался продемонстрировать новое испытание для всех Игроков.

– Смотрите, вот как это будет выглядеть, – прокричал он с верхней лестничной площадки дома родителей Дерека Гарри. Роберт подложил себе под задницу диванную подушку и сиганул вниз головой. Но не успел вовремя развернуться и убрать ноги, так что с оглушительным треском ударился головой о стену, заработал что-то вроде серьезного сотрясения мозга и оказался в больнице. – Упал с велосипеда, – с идиотской ухмылкой объяснил он доктору.

– Э-э, давайте сделаем перерыв, – рывкнул Дерек, перекрывая оглушительную музыку. В кои-то веки мы больше никого не заставляли повторять трюк Роберта.

На следующей неделе Роберт появился в школе без единой царапины.

– Не попотеешь, не заработаешь! – сказал он, поставив поднос на стол Игроков. Прошло время, прежде чем до нас дошло, что он стал каким-то мутным и более жестоким, чем раньше. Но Игроки замяли тот скандал и больше никогда не говорили о нем.

И вот теперь Роберт вскакивает с кровати Никки и бросается к лестнице, натыкаясь на перила и расплескивая выпивку, пока спускается.

Генри и Квентин следуют за ним, возвращаясь на вечеринку. Молчание нарушает Марла.

– Хотите «Джул»? – Она оглядывается по сторонам и хитро улыбается, сверкая зубами. – Только не говорите тренеру.

Никки проводит пальцами вдоль губ, как будто застегивая рот на невидимую «молнию».

– Колледжам не нужны спортсмены с вредными привычками, – сказала Марла в прошлом году, когда прирастилась к электронным сигаретам. – А вот звездного форварда хоккея на траве со средним баллом аттестата 4.0 с руками оторвут.

Мы втроем выстраиваемся на балконе, плечом к плечу. Вечеринка выплеснулась на задний двор, и я наблюдаю за

тем, как новички танцуют босиком на траве. Дом Никки стоит у воды, и за двором шаткая деревянная дорожка ведет прямо к пляжу. Прищуриваясь, я различаю две голые задницы, бегущие по волнам. Должно быть, девятиклассники – пытаются доказать, что пройдут проверку. Мой взгляд возвращается на террасу, где две девчонки из новеньких целуются в шезлонге у бассейна, а группа парней подбадривает их, снимая сцену на телефоны. Соленый ветер проносится над нашими головами, и я поднимаю глаза к небу. Телец. Там, где я и ожидала его увидеть, – прямо над Орионом. Я живо представляю себе, как длинные тонкие ноги быка скачут галопом в темноте, выписывая круги над своими друзьями. Это идеальная ночь, чтобы увидеть его.

– Я не хочу выбирать новеньких, – говорит Никки. Она потягивает свой напиток, теребя пальцами кулон из розового кварца, что висит у нее на шее. Она увлеклась кристаллами после смерти Шайлы. – Я еще не готова быть самой старшей.

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Нет ощущения, что пришло время, – говорит Марла, выпуская в воздух облачко вейпа. Оно зависает над ней нимбом.

Алкоголь гудит у меня в ушах.

– Джаред хочет стать Игроком, – говорю я.

– И тебя это удивляет? – Никки поворачивается ко мне. Осенний листок застревает в ее волосах.

– Твой брат? – спрашивает Марла. – И что? Он довольно симпатичный.

– Фу, какая мерзость, – тихо ругаюсь я, думая о том, что следовало бы поговорить об этом с Никки наедине.

Марла – одна из нас, избранных Игроками, после того как ее в девятом классе приняли в «Голд Кост» и взяли в школьную сборную по хоккею, а парни-старшеклассники окрестили ее «лучшей задницей». Она росла в семье с четырьмя старшими братьями и могла похвастаться почти идеальным цветом лица – и то и другое вызывало зависть. Но она всегда казалась немного отстраненной, как будто жила в собственном замкнутом мире. Я ни разу не бывала у нее дома и даже не знаю, где он находится. Она редко присоединялась к нашим ночным девичникам, предпочитая, по ее же словам, проводить время дома со своими братьями, которые ходили в Картрайтскую школу и, стало быть, ни под каким предлогом не могли оказаться в нашей компании. Так сказала нам Марла, когда заметила, как Никки пускает на них слюни после матча. И добавила, что им самим это в любом случае неинтересно. Они были совершенно равнодушны к «Голд Кост» – видимо, знали, что Марла никогда не променяет их на новых друзей и что она связалась с Игроками, просто чтобы обеспечить себе поступление в Дартмут²⁵. Хоккей на траве поможет, говорила она. Как и ее блестящие математические способности. Но стандартизированные тесты она упорно проваливала. Только учебные пособия и шпаргалки из ар-

²⁵ Дартмутский колледж – частный исследовательский университет, один из старейших в США, входящий в элитную Лигу плюща.

хива Игроков помогли ей получить почти идеальную оценку при сдаче SAT в прошлом году.

Ну, и еще морально нечистоплотный врач, который поставил ей диагноз СДВГ²⁶, чтобы она могла воспользоваться дополнительным временем на экзамене. Его сын тоже был Игроком несколько лет назад.

Иногда братья Марлы приезжали забрать ее с вечеринок, гоняя по извилистым лесистым дорогам Золотого берега на своем красном джипе «Рэнглер». Останавливаясь возле дома, они хором кричали ей из машины, но никогда не заходили внутрь.

– Мар-ла! – вопили они, пока она не появлялась в дверном проеме, выныривая из глубин дома. – Мар-ла! – Коротко взмахнув рукой на прощанье, Марла упархивала, и лишь мелькали ее белокурые волосы, когда она уютно устраивалась на заднем сиденье джипа своих охранников. Для нас они оставались призраками, фантомными возницами, которые разъезжали на колесницах и исчезали в ночи. Но они не могли защитить ее от всего на свете.

Мне было интересно, не пряталась ли в ней та сестринская преданность, что я испытывала к Джареду, только помноженная на четыре.

– Не знаю, – отвечаю я. – Он не такой, как мы. Это не для него. Подумать только, как он будет проходить испытания? – Я представляю себе его взволнованное личико, растерянное

²⁶ Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

и смущенное.

Никки обнимает меня сзади и прижимает к себе.

– Для него это не обязательно должно быть именно так.

Мы же выпускники. Теперь мы все контролируем.

– Я знаю. Просто... он мой брат.

– Все будет тип-топ, – уверяет Марла. Она делает последнюю глубокую затяжку и убирает в карман пластиковую сигарету. – Никки права, теперь мы устанавливаем правила. – Она выдерживает паузу. – И мы все изменим.

Мой телефон вибрирует – раз, другой, щекочет мне бедро. Джаред, держу пари. Адам, надеюсь я.

– Мне надо пописать, – говорю я и проскальзываю мимо них обратно в спальню. Я закрываюсь в ванной комнате Никки и плюхаюсь на унитаз. Телефон снова пульсирует, уже в третий раз. Я вытаскиваю его из кармана, ожидая увидеть знакомое имя. Адам, Джаред, мама, папа. Вместо этого на экране высвечивается неизвестный мне номер.

Я открываю сообщение и быстро просматриваю текст, но не понимаю его смысла.

«Я знаю, ты наверняка не захочешь выслушать меня, но мне необходимо кое-что тебе сказать».

«Грэм не убивал Шайлу. Он невиновен».

«Все это так хреново. Мы можем поговорить?»

Сердце подкатывает к горлу, и ванная Никки кружится перед глазами. Стены сливаются с полом, умывальник переворачивается вверх ногами, и меня того и гляди вырвет.

Приходит еще одно сообщение, и сердце как будто останавливается. Я сжимаю трубку так сильно, что белеют костяшки пальцев.

«Это Рейчел Кэллоуэй».

На судебный процесс никто и не рассчитывал. Я поняла это, как только увидела Грэма Кэллоуэя в наручниках, с красным и опухшим лицом, надутым, как воздушный шарик. Может, сказывалось потрясение от случившегося, но тогда Грэм был сам на себя не похож. В дорогих баскетбольных кроссовках и толстовке для лакросса с эмблемой «Голд Кост» он казался незнакомцем, переодетым в Грэма. Только когда полицейские подвели его к нам так близко, что я смогла разглядеть созвездие крохотных родинок у него за ухом, тех самых, что маячили у меня перед глазами на уроках истории в седьмом классе, не осталось никаких сомнений в том, что это он и что он убил Шайлу.

Грэм и Рейчел учились в «Голд Кост» еще с дошкольного возраста. Они были долгожителями в этой школе. Все учителя, даже если не преподавали у них, знали этих детей по именам, как и их родителей. Грэм пользовался популярностью в средних классах, но не потому, что слыл добрым или веселым, а потому, что просто *был*. Его фамилия гарантировала ему доступ ко всему. Когда он приглашал мальчишек в свой крытый бассейн или прокатиться на вездеходах по дюнам, никто не отказывался. Его большие мясистые руки выглядели слегка угрожающими, как будто он мог одним пальцем свалить с ног любого обидчика. В классе он издавал зву-

ки пуканья и сваливал вину на соседку по парте. Он опрокидывал пробирки с химикатами просто ради забавы. Однажды он даже похвастался, что освеживал дохлую чайку, найденную на пляже.

Но вся эта дурь, казалось, выветрилась из него летом перед старшей школой. Именно тогда Грэм и Шайла начали встречаться. Я попала в полностью оплаченный научный лагерь на Кейп-Код²⁷, но невыносимо страдала от чувства вины, потому что на самом деле хотела остаться дома, с Шайлой. Она старательно посылала мне письма, написанные от руки. «Они гораздо лучше передают эмоции, чем электронная почта, – сказала она в своем первом письме. – К тому же, если вдруг я стану знаменитой? Тогда кто-нибудь захочет узнать все о *Шайле Арнольд: Ранние годы*». Я жадно проглатывала эти записки, как мамин тройной шоколадный торт.

Ее письма вызывали у меня стойкое ощущение, будто я отсутствую именно в тот момент, когда в наших отношениях что-то неуловимо меняется. Шайлу вместе с шикарной подругой ее семьи, Карой Салливан, которая провела учебный год в Верхнем Ист-Сайде, зачислили на курс «Модель ООН»²⁸ в Хэмптонсе. Когда Кэллоуэи узнали об этом, они

²⁷ Полуостров на северо-востоке США, в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс.

²⁸ Синтез научной конференции и ролевой игры, в ходе которого студенты и учащиеся старших классов на нескольких официальных языках ООН воспроизводят работу органов этой организации, приобретают дипломатические, лидерские, ораторские и языковые навыки и умение приходить к компромиссу.

отправили туда и Грэма.

Поначалу в своих письмах Шайла захлеб рассказывала про Кару – про ее одержимость такими художниками, как Яёи Кусама, Дэн Флавин и Барбара Крюгер; про то, как Кара учила ее управляться с паровыми моллюсками, не размазывая сливочное масло по всему лицу. Кара казалась невероятно крутой. К тому же отцы Кары, Шайлы и Грэма выросли вместе и с самого рождения проводили лето в одной компании. Короче, были из одной песочницы. А я – с обочины.

Только в июле Шайла начала писать о Грэме, пересыпая свои рассказы маленькими историями о том, как они едят роллы с омарами на пристани ее родителей, как подмешивают виски в банки содовой, как пробираются в местные бары, где тусят яппи, предпочитающие проводить лето в городе.

В одном из писем Шайла обмолвилась о том, что Кара вступила в близкие отношения с парнем по имени Джейви из Манхэттена, тем самым подтолкнув ее к чему-то подобному. И теперь Шайла встречается с Грэмом. Вот так.

К тому времени, как я вернулась домой в августе, они уже были неразлучны. Даже Никки обалдела. Грэм стал как будто другим человеком. Он, как змея, сбросил свою детскую кожу. Превратился в славного парня, расспрашивал меня о биолюминесценции на Кейп-Код, приглашал поиграть с ним и Шайлой в мини-гольф. Теперь он вел себя куда более вежливо, называл меня Джилл вместо прозвища Ньюмания, которое придумал еще в средних классах, когда однажды уви-

дел, как я плакала, завалив экзамен по биологии. Я ненавидела эту кличку. Но его добродушие хватило всего на год.

В то утро, когда забрали Грэма, мы находились на пляже возле дома Тины Фаулер. Его сестра, Рейчел, последовала за ним. Она неистовствовала, осознавая свою сопричастность. Я помню, как она тянула руки к Грэму и слезы потоками струились по ее лицу. Голос взвизывался то трелью, то воплем. Я вздрагивала, когда она кричала. Полицейский придерживал ему голову рукой, заталкивая Грэма на заднее сиденье машины, и он скрылся внутри. С тех пор я его больше не видела.

Когда машина уехала, Рейчел повернулась и ткнула в нас дрожащим пальцем.

– Вы все в это верите? – крикнула она. Глаза ее покраснели от слез, волосы торчали в разные стороны. То был единственный раз, когда она выглядела далеко не безупречно.

Никто не произнес ни слова.

Рейчел умоляла Адама поехать с ней в полицейский участок. Но Адам отрицательно покачал головой. Это он вызвал полицию, когда Шайла исчезла. Они нашли Грэма в полумиле от нашего пляжа, почти у самого входа на смотровую площадку Оушен-Клифф. На его пальцах застыла кровь Шайлы, и кровавые пятна испещряли голый торс. Песчинки прилипли к нему, как карамельные крошки к глазури.

– Ты трус, – прорывалась Рейчел, пытаясь пронзить его взглядом. – Ты просто трус! – На этот раз ее голос взвился,

и она быстрым движением руки вlepила Адаму пощечину, оставляя на его бледной коже ярко-красную отметину. Я ахнула.

Он захлопал ресницами, но ничего не сказал.

— После всего, что я для всех вас сделала... — прошептала Рейчел. — Да пошли вы.

Никто не пошевелился. Ни Тина Фаулер, ее лучшая подруга с детского сада, ни Джейк Горовиц, которого она отвезла в больницу однажды ночью, когда у него лопнул аппендикс во время одной из вечеринок Игроков. Никто не последовал за ней, и вскоре оба Кэллоуэя исчезли из нашей жизни.

Рейчел не пришла на выпускной бал в «Голд Кост». Вместо этого она уехала в Корнелл²⁹ на несколько месяцев раньше, и Кэллоуэи продали свой дом на Филдинг-лейн за 6,2 миллиона долларов, если верить распечатке в интернете. Их дом в Хэмптонсе ушел за более солидную сумму. Они приобрели себе дуплекс в элитном районе Трайбека в Нижнем Манхэттене. Никто точно не знал, что стало с Грэмом. Мы только слышали, что его отправили в какое-то заведение для плохих мальчиков, которые совершают плохие поступки, но слишком молоды и слишком богаты, чтобы отбывать наказание в настоящей тюрьме.

Рейчел и ее родители, понятное дело, не пришли на похороны Шайлы. Не то чтобы Арнольды желали их видеть. Это

²⁹ Один из крупнейших и известнейших университетов США, входит в элитную Лигу плюща.

было бы *бестактно*, как любила говорить миссис Арнольд.

Шайлу хоронили во время бешеного, злого шторма, какие случаются только в начале лета, когда океан со всей яростью обрушивается на берег, прежде чем уgomониться. Все выглядело почти символично. Похороны под дождем. Как печально.

Я проснулась за несколько часов до того, как зазвонил будильник, и лежала в постели, пока не услышала слабый стук в дверь. Я надела черное облегающее платье, которое выбрала для меня мама, и пыталась держать спину прямо, чтобы придать хоть какой-то стати моей хрупкой фигурке. Грудь у меня все еще оставалась плоской, так что нечего было выпячивать.

Джаред кашлянул. Он стоял в дверях, облаченный в темный костюм.

– Ты тоже идешь? – спросила я и снова повернулась к зеркалу. Он видел смерть так близко лишь два года назад, когда дедушка Морти сыграл в ящик. Но деду было восемьдесят девять. Старикам положено умирать. Детям – нет.

– Я хочу, но мама не разрешит, – сказал он, теребя пуговицу на рубашке.

– Наверное, к лучшему.

Джаред, в носках, подошел ко мне сзади и осторожно обвил руки вокруг моего живота. Я все еще была выше его ростом, но всего на несколько дюймов, и это преимущество сохранилось только на один год. Даже в своем новом статусе

я хотела быть юной, как он, защитить его от всего этого. Но чувствовала себя взрослой и усталой.

– Мне очень жаль, – произнес он тихим и дрожащим голосом.

В моем теле разливалась боль, грудь теснило, как будто сердце пыталось вырваться из плена ребер.

– Мне тоже, – ответила я. Его плечи размякли от моего прикосновения. Джаред крепче прижал меня к себе, и я почувствовала, как влага с его лица растекается по моему платью. Он содрогнулся от всхлипа.

Панихида длилась недолго, не более получаса, и завершилась мелодией «Где-то за радугой». Как сказала миссис Арнольд, это любимая песня Шайлы. Может, и была любимой лет в шесть.

В церкви было не протолкнуться – пришли сотни жителей Золотого берега и Восточного побережья. Десятки людей в модных костюмах стояли в глубине зала, не выпуская из рук свои «Блэкберри». Вероятно, аналитики из хедж-фонда³⁰ мистера Арнольда. Кара Салливан, одетая во все черное и дизайнерское, сидела в стороне рядом со своей мамой, арт-дилером. Она беззвучно плакала, сжимая в руке листок бумаги – вероятно, последнее письмо Шайлы к ней. Шайла всегда писала письма. Должно быть, так она поддерживала связь с Карой в течение учебного года, когда та жила на Манхэттене, а Шайла здесь. Интересно, будут ли и письма Кары

³⁰ Разновидность инвестиционного фонда.

включены в книгу «Шайла Арнольд: Ранние годы»?

Или, скорее, «Недолгие годы».

Я устроилась во втором ряду вместе с Никки, Марлой, Робертом, Квентином и Генри. В первый раз мы собрались в неполном составе, вшестером. Квентин шмыгал носом в рукав рубашки и время от времени сжимал руку Марлы. Я сидела неподвижно с опущенным взглядом, впившись глазами в горошек юбки на коленях, просто пытаюсь не замечать чувство вины, нарастающее в сердце.

Мы были там. Мы все были там. И мы ее не спасли.

На похоронах Адам сидел позади меня, зажатый между Тиной Фаулер и Джейком Горовицем. Я выпрямила спину и смотрела вперед, стараясь не ерзать перед ним. Когда мистер Арнольд произносил надгробную речь, Адам протянул руку и сжал мое плечо, скользнув пальцами по обнаженной коже. Я чувствовала себя выпотрошенной, разделанной, как рыбное филе, готовое к употреблению.

Наутро после вечеринки у Никки я резко просыпаюсь, лицо – в холодном поту. Опять ночной кошмар. Раньше они отличались предсказуемостью. Выпадающие зубы. Ступор на экзамене. Это последствия стресса, говорила мама. Но после смерти Шайлы все изменилось – я постоянно видела ее во сне. Ее обгрызенные ногти, лицо, длинные руки и ноги. Они прокрадывались в меня. Как и картинки той ночи. Завывающий ветер. Ревущий костер. Ее развевающиеся золотистые

волосы, когда она вышагивала в лунном свете. Звезды на потолке моей комнаты иногда успокаивали, если я просыпалась задолго до рассвета. Но я всегда держала включенной и настольную лампу.

Однако прошлой ночью мне приснился совсем другой ужастик. Я крепко зажмуриваюсь, и на меня надвигается безупречно симметричное лицо Рейчел Кэллоуэй с прищуренными глазами и растянутым ртом. Грудную клетку как будто сжимает обручем, и я распахиваю глаза. *Это всего лишь сон.*

Но то, что Рейчел снова появилась в моей жизни, – вовсе не сон. Я похлопываю рукой по одеялу, пока не нащупываю свой телефон, уютно устроившийся между подушкой и изголовьем кровати. Я открываю ее сообщения.

«Это Рейчел Кэллоуэй».

А это звучит почти зловеще: *«Грэм не убивал Шайлу. Он невиновен».*

Почти.

– Тук-тук, – доносится из-за двери мамин голос. – Можно мне войти?

Я запикиваю телефон под подушку, как будто это контрабанда.

– Угу.

Дверь распахивается.

– Нельзя так долго спать. День ждет. – Быстрым шагом мама подходит к окну и раздвигает тонкие занавески. Солн-

це жаркое и липкое, особенно для сентября.

– Я – подросток. А подросткам положено спать. – Я переворачиваюсь на живот.

– Ты можешь сегодня отвезти Джареда на репетицию оркестра? Мы с папой собираемся съездить по делам.

– Конечно.

– Он должен уехать через пять минут. Ключи от машины – у двери.

Я со стоном поднимаюсь с кровати, засовывая телефон в карман фланелевых шорт.

Когда я спускаюсь вниз, Джаред уже околачивается возле маминого хэтчбека, обгрызая кожицу вокруг ногтей. Он подхватил мою дурную привычку. Дурную привычку Шайлы.

– Как прошла вечеринка? – спрашивает он.

– Отлично, – отвечаю я и выезжаю задним ходом с подъездной дорожки. – Постой. А где твоя бас-гитара? – Заднее сиденье пустует.

– Там найдется лишняя для меня.

– Но ты всегда играешь на *своей* гитаре. Ты станешь горбатым, таская эту штуку на себе.

– Только не эту. Она электрическая.

– Ты же не играешь на электрогитарах, болван.

– Тут сверни направо, – говорит он, пропуская мои слова мимо ушей.

Я поглядываю на него. Он практически вырыл кратер на среднем пальце.

– Давай начистоту, куда мы едем?

– К Брайсу Миллеру.

Я не могу скрыть удивления.

– Серьезно? – Мы с Адамом годами пытались их подружить, но Брайс всегда вел себя вызывающе – толкал мальчишек на баскетбольной площадке, хватал девчонок за бретельки лифчиков. Его игривость граничила со злым озорством, безобидным для меня, но пугающим и отталкивающим для Джаред.

Джаред кивает.

– Он играет на гитаре. Пригласил меня на джем-сейшн³¹.

– Хорошо. – Я улыбаюсь и мысленно сочиняю сообщение Адаму. – А мама знает?

– Да. Она *визжала от радости*, ей не терпелось рассказать Синди Миллер, что их *младшенькие наконец-то подружились!* – говорит он, подражая маминим восторженным интонациям.

Смех пузырится у меня в груди.

– Это пойдет тебе на пользу.

Джаред закатывает глаза.

– Скажешь тоже.

Я достаю свой телефон и настраиваю любимый плейлист. Сплошь из попсы восьмидесятых. Рев Мадонны вырывается через динамики, и покой разливается в моем теле, пока

³¹ Совместная музыкальная сессия, когда музыканты собираются и играют без особых приготовлений и определенного соглашения.

я следую знакомым маршрутом к дому Адама. Я помню его наизусть, могу с закрытыми глазами проехать по извилистой, выложенной кирпичом подъездной дорожке. Адам не вернется из школы до осенних каникул в следующем месяце, но даже близость к его дому, к его вещам кружит мне голову.

– Спасибо, – говорит Джаред, когда я останавливаю машину.

– А где Брайс? Я хочу с ним поздороваться.

Деревянные качели раскачиваются взад-вперед на крыльце, поскрипывая на ветру. Я помню, как провисает сиденье, когда садишься на них, как они опускаются еще ниже под тяжестью двух человек.

– Дай-ка я ему напишу. – Пальцы Джареда порхают по клавиатуре телефона, и в считанные секунды Брайс распахивает входную дверь, направляясь нам навстречу по ухоженной лужайке. Купальные шорты цвета ржавчины низко сидят на его бедрах. Он выглядит старше Джареда, и, если сильно прищуриться, его вполне можно принять за Адама.

Джаред выпрыгивает из машины, захлопывает за собой дверцу, и они обмениваются приветственными хлопками ладонями.

– Как дела, Джилл? – спрашивает Брайс, наклоняясь к открытому пассажирскому окну. – Как поживаешь? – Уверенный в себе и собранный, как и его брат. Старший Игрок его совсем не пугает.

– Не могу пожаловаться. Как прошла твоя первая неделя

в старшей школе?

Брайс ухмыляется.

– Бесподобно, разумеется.

– Естественно.

– Ты сегодня разговаривала с Адамом?

Я отрицательно качаю головой.

– Еще нет.

– Уверен, он тебе напишет, – говорит Брайс. – Он только что звонил маме. Приезжает домой в следующие выходные. Какой-то мастер-класс Национальной молодежной драматургической мастерской в окружном театре. Думаю, он учит детей писать сценарии или что-то в этом роде.

– Здорово. – Я пытаюсь скрыть волнение и прикусываю губу, но Джаред закатывает глаза. Он давно догадывается о моей не очень-то завуалированной страсти.

Брайс хлопает Джареда по спине.

– Готов к джему?

Джаред сияет.

– Давай сразимся.

– Увидимся, Джилл!

Я машу им рукой и жду, пока они скроются в доме, прежде чем хватаюсь за телефон.

«Только что высадила Джареда у твоего дома... думаю, они с Брайсом наконец-то подружились».

Я не успеваю завести двигатель, как слышу вибрацию.

«НАКОНЕЦ-ТО!!! Я знал, что наш генеральный план ко-

гда-нибудь сработает».

Мое лицо горит, и я рву кутикулу зубами.

«Он сказал, ты скоро приедешь домой?»

«Да. Я собирался тебе написать. Найдеишь для меня время? Завтрак у Дианы? В субботу?»

Мое сердце колотится, и я радостно киваю, как будто он может видеть меня.

«Заметано».

Я выхожу из чата, но, прежде чем успеваю отвести взгляд от экрана, замечаю последнее сообщение, полученное прошлой ночью, – то самое, которое я старательно избегала.

«Это Рейчел Кэллоуэй».

Но теперь мне не страшно. Адам подскажет, что делать. Он всегда находит решение. Мы разберемся с этим вместе. В субботу.

Я слышу Адама прежде, чем вижу его. Какая-то древняя панк-группа ревет из динамиков все того же винтажного «Мерседеса», на котором он ездил с десятого класса. Звук такой знакомый, что у меня кружится голова от приступа джаваю. Когда я сажусь рядом с ним, чувствую себя совсем не так, как в «Брюсе». Здесь все уютно и обжито.

– Привет, детка, – говорит он. Темные волосы Адама выются и ниспадают в восхитительном беспорядке. Мне не терпится увидеть любимую ямочку на его левой щеке. Она появляется, только когда он широко улыбается. Слава богу, она на месте, как только я пристегиваю ремень безопасности.

Я улыбаюсь ему в ответ, и он заключает меня в объятия, перегибаясь через консоль. От него по-прежнему пахнет лавандовым мылом с легкой примесью табака.

– К Диане? – спрашивает он.

– Пожалуйста. Я умираю с голоду.

Он заводит машину, включает стерео и, преодолевая крутые повороты, устремляется к бухте. В детстве я ходила в эту закусочную каждое воскресное утро после еврейской школы вместе с мамой, папой и Джаредом. Мы делили на всех горы блинчиков с черникой и переполненные миски хэш-

браунов³². Горячий шоколад для меня и Джареда, кружка за кружкой кофе для папы под его рассказы о том, как он рос ортодоксальным модернистом³³ в Вильямсбурге во времена, когда этот бруклинский район еще не стал крутым. Мы терпеливо слушали его истории о бабушке и дедушке, которые разговаривали только на идише и умерли задолго до нашего рождения и до того, как папа несколько отошел от религии. Для меня прийти сюда без семьи – все равно что впервые прокатиться на велосипеде без тренировочных колес. Приключение эпического масштаба.

– Ну что, выпускной год?

– Выпускной год, – эхом отзываюсь я. – Круто.

Адам смеется.

– Узнаю свою Джилл. Полная невозмутимость.

Я краснею при мысли, что принадлежу ему.

– Наверное, тебе все это так скучно теперь.

Адам смеется.

– Все, что ты говоришь, никогда не бывает скучным, Нью-ман.

Волоски у меня на загривке встают дыбом, и я поворачиваюсь к нему, разглядывая его в профиль. Его предплечья слегка выпирают под поношенной футболкой, а бицепсы на-

³² Американские картофельные оладьи.

³³ «Модерн ортодокс» – направление ортодоксального иудаизма, интегрирующее ортодоксальные принципы, ценности и традиции с современной культурой и цивилизацией.

прягаются, когда он поднимает руку, чтобы поправить прозрачные пластиковые очки на переносице.

Я откидываюсь на спинку сиденья и пытаюсь расслабиться. Обращаю внимание на свои конечности и позу, оцениваю, как я сижу, насколько непринужденно опираюсь рукой на подлокотник. «*Так правильно?*» – задаюсь я вопросом, когда мы проезжаем пустующий контрольный пост на узкой однополосной дороге, окаймленной с обеих сторон водой, и мчимся дальше, мимо крошечного рыбацкого причала Бухты Мидий, где летом продают лучших фаршированных моллюсков. Сквозь туман почти различим Оушен-Клифф. Все вокруг так знакомо.

Адам въезжает на крошечную парковку, всего на шесть мест. Звенит колокольчик, когда мы входим в дверь, и мне в лицо ударяют запахи корицы и жареных сосисок.

– Вы только посмотрите! Мои любимые малыши! – Диана засовывает авторучку в свой огненно-красный бант и подсакивает к нам, заключая нас обоих в широкие сладкие объятия. Как обычно, на губах у нее ярко-красная помада, а старомодная белая униформа официантки тщательно выглажена. Она выглядит как и весь обслуживающий персонал, хотя и владеет этим заведением. – Любое место – ваше! – Она подмигивает, уже зная, что наша кабинка свободна. Адам направляется напрямик к той, где по стенке тянется широкая трещина.

– Хорошо быть дома, – говорит Адам, когда мы плюхаем-

ся на красные кожаные диваны.

– Такого в Провиденсе нет? – спрашиваю я, открывая ламинарованное меню, увесистое, как книга.

– Даже и близко нет.

«Слава богу», – думаю я.

– Что желаешь, ми-илый? – В голосе Дианы проступает сильный лонг-айлендский акцент. – Как обычно?

– Ты же знаешь, – говорит Адам. – И кофе. Черный.

– А для тебя, дорогая? – Она поворачивается ко мне.

– Мне то же самое.

– Сейчас все будет. А вы пока наслаждайтесь друг другом. – Она подмигивает и направляется на кухню.

– Я чертовски люблю это место, – говорит Адам. Его глаза прикованы к стене прямо над моей головой. – Здесь как дома. – Я поворачиваю голову, чтобы проследить за его взглядом, хотя уже знаю, что там увижу. Из голубой фирменной рамки «Голд Кост» улыбаются наши лица. Фотография была сделана в девятом классе, когда я в последний раз приходила сюда с Шайлой. Адам привез нас, Рейчел и Грэма после нашего последнего экзамена, за неделю до посвящения. Мне было противно от собственного одиночества, я чувствовала себя пятым колесом на их двойном свидании. Но Адам заверил меня, что я вовсе не лишняя. Он хотел, чтобы я была там, с ними.

Мы все ожидали, что Диана уберет эту фотографию после случившегося. Но Арнольды никогда не приходили сюда. И

Кэллоуэи, очевидно, тоже.

– А в чем проблема? – удивилась она, когда Адам спросил ее об этом в прошлом году во время зимних каникул. – Это был момент. То, что он закончился, еще не значит, что его не было.

– Ну, рассказывай, – предлагаю я. – Что это за история с мастер-классом?

Адам вздыхает.

– Я обещал Большому Кейту, что приеду в этом семестре, чтобы провести семинар для детей. Четвероклассников и пятиклассников из города. Из малоимущих семей. Они приезжают на целый уик-энд учиться сочинять сценарии.

– Ничего себе! – говорю я, даже не пытаюсь скрыть свой восторг. Большой Кейт был наставником Адама. Он руководил театральной студией «Голд Кост» и выставял кандидатуру Адама на все конкурсы. Он слыл легендарной личностью в ближайших трех штатах. Круто, что он пригласил Адама как преподавателя.

– Но давай не будем об этом говорить. Наверное, это так скучно для тебя.

– Ты же знаешь, что это не так. – Я закатываю глаза.

Адам наклоняет голову и вскидывает бровь, как будто не верит мне.

– Лучше расскажи мне о драме Игроков.

Я смеюсь.

– У нас нет никакой драмы.

Адам ухмыляется.

– Драма есть всегда.

– Никки и Роберт то появляются, то исчезают, но ты это знаешь.

– М-да, тоска. Ну, давай дальше. Придумали какие-нибудь клёвые тесты?

Мое сердце сжимается. Испытания – это то, что мне меньше всего нравится в клубе Игроков. Все остальные думают, что испытания *необходимы*, что именно они выделяют нас и делают нас крутыми. Сломать себя и снова собрать воедино, чтобы доказать, что ты можешь следовать правилам Игроков, что ты достоин, что заслуживаешь всего, что могут предложить тебе Игроки. Я думаю, что эти проверки – средство для достижения цели.

– Пока нет, – медленно отвечаю я. – Мы же должны разработать их лично для каждого, так что надо сначала посмотреть, что за претенденты.

К столику подходит Диана, наливает нам в кружки кофе длинными темными струйками и снова исчезает. Адам делает глоток и кивает.

– Конечно, – говорит он и тут же меняет тему. – Как *Генри*? – Он выгибает бровь, и я заливаюсь краской.

– Все так же, – отвечаю я. – Он собирается досрочно подать заявление в Уортон. Отец настаивает. Сам он хотел поступать в Северо-Западный университет на журналистику, но... ты же знаешь. – Выбор дался Генри нелегко, он му-

чился все лето, но после эпической схватки с отцом в День труда³⁴ сказал мне, что принял решение. И это Уортон. Бизнес-школа, а иначе ему перекроют кислород. Он рассчитывал, что сможет потом заняться бизнесом в сфере средств массовой информации или чем-то в этом роде. Запустить телеканал, сказал он без особого энтузиазма. Спасти индустрию. Но я видела, что он опустошен и раздавлен перспективой сидеть в каморке офиса в каком-нибудь небоскребе, вместо того, чтобы вести прямые репортажи из Южной Америки или Африки южнее Сахары.

Адам качает головой.

– Этому парню нужно научиться принимать самостоятельные решения. Если его фамилия Барнс, это вовсе не означает, что ему *нужно* стать руководителем хедж-фонда или чего там еще. Я имею в виду, посмотри на меня. Мой отец был одержим идеей, что я буду нейрохирургом, как и он, но я послал его к черту. Я был бы несчастен как врач. Ты это знаешь. Держу пари, Генри пожалеет об этом.

Адам прав. Но согласиться с ним – значит предать Генри. Я стараюсь сохранять нейтралитет.

– Ты по-прежнему подаешь досрочно заявление в Браун³⁵? – Он поднимает бровь.

³⁴ Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

³⁵ Университет Брауна – один из наиболее престижных частных университетов США, расположенный в городе Провиденс штата Род-Айленд.

Я киваю.

– Отправила в приложении на прошлой неделе.

– Уф! – Адам вздыхает с облегчением. – Ты будешь нужна мне там в мой выпускной год.

Я прикусываю губу, скрывая улыбку.

С тех пор как Адам поступил в Университет Брауна, все, о чем я могла думать, так это о том, чтобы подать заявление туда же. Поначалу мне хотелось попасть туда, потому что *он* учился там. Я представляла себе, как мы оба живем вдаль от Золотого берега и перед нами параллельными линиями простирается наше будущее. Браун – это только начало. Мы бы сидели вместе в углу на студенческих вечеринках, в рыбацких свитерах, потягивая дерьмовый тропический сок, почти соприкасаясь лбами, погруженные в разговор. Мы бы брели по травянистому двору, пробираясь к задним воротам, и опавшие листья хрустели бы под ногами.

Но когда я всерьез взялась изучать программу университета, то обнаружила, что он может предложить гораздо больше того, чего мне хотелось. В прошлом году, когда я сказала нашему консультанту, доктору Бордман, что подумываю о поступлении в Браун и хочу изучать физику и астрономию, ее лицо просияло от восторга.

– О, дорогая, это будет весело. – Она встала из-за дубового стола и потянулась к самой высокой полке книжного шкафа, вытаскивая оттуда тонкую брошюру в бледно-желтой обложке. – У них есть программа «Женщины в науке и техни-

ке». Это просто идеально для тебя. – Ее широко распахнутые темно-карие глаза ярко блестели. – Они предлагают полную стипендию двум лучшим студентам. Конечно, сначала тебе нужно поступить, но затем ты сдаешь экзамен весной, чтобы претендовать на стипендию.

Я покраснела, смущенная тем, что ей известно о моей школьной стипендии, хотя, конечно, она знала. Это же ее работа – знать все.

– У тебя есть шанс, – продолжила она. – Очень хороший шанс. – Она пролистала мой транскрипт³⁶, а затем наклонилась к ноутбуку, просматривая мое резюме. – Два года капитан научной команды. Стипендиат математической олимпиады все четыре года. – Она прокручивала страницы дальше. – Ага, смотри-ка, ты даже подтягиваешь по физике учеников средних классов! Ты вообще когда-нибудь спишь? – пошутила доктор Бордман и со смешком откинула голову назад, отчего затрясся ее седеющий пучок.

Бабочки порхали у меня в животе. Сбывалось все то, на что я надеялась, когда корпела допоздна над внеклассными заданиями, рисковала многим на пути к вершине, постоянно доказывая, что чего-то стОю. Чтобы в конечном счете, как любила говорить доктор Бордман, «показать товар лицом», сразить наповал приемные комиссии.

Доктор Бордман протянула мне блестящую брошюру, и

³⁶ Документ с названием пройденных курсов, количеством прослушанных часов и полученными оценками.

на обложке я увидела красивых улыбающихся молодых женщин, сидящих вместе на скамейках и в классах, с раскрытыми учебниками в руках.

«*Браун инвестирует в наших женщин-ученых и технологов*, — гласил один из заголовков. — *Присоединяйтесь к двадцати пяти первокурсникам в их путешествии длиной в жизнь*». Эти слова сопровождали фотографию студенток, с восхищением наблюдающих северное сияние, похоже, во время групповой поездки в Норвегию. Я поднесла брошюру к лицу и внимательно вгляделась в девушек. Среди них могла бы быть и я.

Я укрепилась в своем решении, когда навестила Адама в прошлом году. Мы с мамой приехали в пятницу рано утром, чтобы я могла посетить семинар «Введение в астрономию», который проводила Маллика — высокая, темнокожая, невероятно уверенная в себе второкурсница из Висконсина, *фанатка* женской научно-технической программы.

— Я так рада, что ты здесь! — взвизгнула она, когда мы встретились у лаборатории. — Больше всего люблю знакомить будущих абитуриентов с тем, как все тут устроено. Я, по сути, посол этой программы. К тому же я слышала, ты тоже жутко увлечена астрономией, и это прекрасно. Я только что провела лето в НАСА. — Маллика рванула вперед, распахивая двери в небольшую аудиторию, где уже собирались слушатели. Мы заняли места как раз в тот момент, когда приглушили свет, и это означало, что профессор вот-вот

начнет лекцию.

– Она только что вернулась из обсерватории Кека на Гавайях, где проводила исследования! – прошептала мне на ухо Маллика.

Время летело незаметно, и мое сердце колотилось все сильнее. Мне ужасно хотелось быть там, среди этих умников, учиться, расти и становиться совершенной; познать все, что можно, о звездах, небе и магии космоса. Я хотела дружить с такими людьми, как Маллика, увлеченных тем же, что увлекает и меня.

Когда лекция закончилась, я последовала за Малликой в коридор. Она улыбалась и шутила почти со всеми, кто проходил мимо.

– Остаемся на связи! – сказала она, сжимая мое плечо.

Адам встретил меня во дворе, чтобы показать, как он выразился, «все самое интересное, что не включают в программу ознакомительного тура».

– Привет, Ньюман. – Он заключил меня в свои удивительные медвежьи объятия. – Пойдем. – Адам схватил меня за руку, и мы отправились в путь. Я пыталась насладиться моментом, ведь мне так давно хотелось побыть с Адамом наедине; но в голове все еще вращались диаграммы, теории и созвездия.

– Та-да! – произнес он после короткой прогулки по кампусу. Мы остановились перед ветхим особняком. Черепица местами осыпалась, а переднее крыльцо выглядело так, буд-

то вот-вот обрушится. – Студенческая жизнь.

– Замечательно. – Я не лукавила. Именно такое место я рисовала в своем воображении для Адама. Остаток вечера мы провели, играя в пиво-понг с его соседями по комнате – тремя парнями с английского факультета, которые по очереди курили травку из двухфутового кальяна. Я как будто вернулась на Золотой берег. Все казалось таким... привычным.

У меня закружилась голова, и когда я заглянула в свой телефон, то увидела сообщение от мамы: *«Пора бы и честь знать, девочка...»*

– Черт, – вырвалось у меня. – Думаю, мне надо возвращаться в отель.

Адам кивнул и вернул кальян на обшарпанный кофейный столик.

– Я провожу тебя.

– Это вовсе не обязательно, – смущенно сказала я.

Он рассмеялся.

– Идем.

Мы молчали всю дорогу, пока не добрались до сонной гостиницы типа «ночлег и завтрак», которую порекомендовала нам Синди Миллер. На этот раз я в полной мере ощущала каждый сантиметр между нами. Я бы хотела поставить этот миг на паузу. Чтобы это стало моей жизнью, навсегда.

Адам остановился и повернулся ко мне.

– Ну, и как? – начал он. Его прозрачные очки слегка сползли с переносицы, и голубые глаза сияли ярче, чем ко-

гда-либо. — Что ты обо всем этом думаешь?

— Мне очень нравится, — ответила я.

— Я знал, что так и будет.

Я приготовилась к чему-то волшебному. К моменту большого взрыва, который отзовется дрожью в моем теле. Когда наши рты найдут друг друга. И все придет в движение и обретет смысл. Я закрыла глаза и ждала. Но ничего не произошло. Вместо этого Адам обнял меня с такой нежностью, что мне захотелось плакать. Он положил голову мне на макушку и глубоко вдохнул.

— Скоро увидимся, малыш. — А потом он исчез.

В ту ночь я решила не быть девчонкой, которая следует за парнем в колледж. Это не из-за него, сказала я себе. Браун — лучший университет. Это то, что мне нужно. Все так говорили.

Университет предлагал программу моей мечты, но при этом казался идеальным местом, где я могла вырваться из пузыря Золотого берега, бросить вызов всему привычному и знакомому, встретить новых людей, которые выросли в других краях, разнообразных и интересных, а не из одного теста сделанных. Браун представлялся мне местом, где человека оценивают не по количеству домов и машин, где администрация на самом деле стремится к тому, чтобы студенты обрели перспективу и прочные знания, а не просто делали вид, будто учатся.

Поэтому я вложила в свою заявку все, что накопила. Я по-

говорила с Малликой и профессорами факультета астрофизики, собрав как можно больше информации для эссе. Как могла, постаралась объяснить, почему изучение космоса – это единственное, в чем я вижу свое призвание, и почему считаю себя достойным приобретением для университета. Я могла бы прочесать наш архив в поисках контактов из Брауна или помощи от суперэкслюзивного советника из колледжа, который консультировал Игроков бесплатно (его дочь тоже входила в эту касту пять лет назад). Но я не стала опускаться до этого. Всякий раз, когда я открывала приложение, что-то останавливало меня. Я хотела все сделать сама. Хотела проверить, получится ли у меня. Так что я отослала свое заявление и лишь молилась.

По настоянию доктора Бордман я отправила через приложение и заявку в государственную программу поддержки отличников, что в случае положительного решения, гарантировало бы мне бесплатное обучение в университете.

– Интересно, их физический факультет связан программой обмена с твоей любимой обсерваторией на Гавайях? – спросила мама, когда я рассказала ей о своих планах.

Такая программа существует, нехотя призналась я.

– Ну, тогда ладно.

И вот теперь мы сидим у Дианы, и Адам закидывает руки за голову и приваливается к спинке дивана. Я чувствую укол разочарования, когда он переводит разговор с колледжа на Игроков.

– Ну, и когда вы набираете новичков? – спрашивает он.

– Думаю, через несколько недель.

– Наши братишки тоже участвуют в конкурсе?

Я борюсь с желанием погрызть ноготь. Мне не хочется объяснять ему, почему я против того, чтобы Джаред ввязывался в это. Даже с гарантированными оценками, вступлением в другой мир, перспективой оглушительного веселья я не хочу, чтобы он проходил через все это, преодолевал кучу глупых препятствий, доказывая, что достоин.

Однако глубоко во мне скрывается истинная причина моего нежелания видеть Джареда Игроком. Я не хочу, чтобы он узнал, что мы натворили.

– Может быть, – отвечаю я. – Посмотрим. – Диана ставит перед нами блюда, и у меня в животе урчит при виде золотистой горы. Блинчики разложены поверх хэшбраунов и яиц. Из-под этой кучи торчат липкие поленья подрумяненного мяса.

– Ваше высочество, – говорит Адам, складывая ладони в молитвенном жесте. – Я не достоин такой роскоши.

– О, заткнись. – Диана шлепает его по рукам. – На меня не действуют чары Миллеров.

Когда она уходит, я понимаю, что пора.

– Я должна тебе кое-что сказать.

Адам отправляет в рот кусочек и проглатывает. Его губы блестят от масла, и мне хочется вылизать их дочиста. Он наклоняет голову набок, и я воспринимаю это как разрешение

продолжить.

– Я получила кучу странных сообщений. – Мое сердце бьется в угрожающем ритме. – От Рейчел.

Адам роняет вилку.

– Что? – Он сглатывает. – Покажи мне.

Я достаю телефон и протягиваю ему, наблюдая, как он пролистывает сообщения.

– Это так типично, – говорит он, качая головой.

– Ничего страшного, да? Не может быть, чтобы она говорила правду. Это же чушь собачья.

Адам кладет мой телефон на стол и откидывается на спинку дивана.

– Рейчел чокнутая. – Его голос словно лезвием ножа разрезает воздух между нами. – Я не хотел тебе этого говорить, но она все лето присылала мне подобные сообщения.

– Серьезно? – ошеломленно спрашиваю я. – Почему ты ничего не сказал?

– Не хотел тебя расстраивать. Я знаю, как это на тебя действует. Шайла и все такое.

Глаза щиплет, и я качаю головой. Ее призрак – повсюду, даже здесь, за этим столом в закусочной Дианы. Адам подается вперед и накрывает мою руку ладонью.

– Только не позволяй ей доставать тебя, ладно? Она заботится о своем брате, а не о тебе.

Я киваю.

– Ты прав.

– Мне надо пописать, – смущенно произносит Адам. Он выскальзывает из кабинки и исчезает в туалетной комнате.

Я моргаю, прогоняя слезы, и поворачиваю голову к фотографии Шайлы. Ее широкое веснушчатое лицо улыбается из рамки. Она понятия не имела о том, что будет дальше, что нам прикажут сделать и чем все это закончится. Я не знала, что та ночь, отмеченная грохотом волн и теплой водкой, станет для нее последней. В памяти оживают крупинки песка на моих губах. Трескучий крик. Кулаки, сжимающие простыни. Мои выющиеся волосы, непослушные и живые. Темнота. Кромешная темнота.

– Ты в порядке? – Адам возвращается и кладет руку мне на плечо. Мне удастся кивнуть. – Все образуется, Джил. Я обещаю.

Он ни разу меня не подводил. Наоборот, всегда спасал меня.

– Давай просто оставим это в прошлом, ладно? У тебя впереди лучший год твоей жизни.

– Ладно, – отвечаю я с легкой улыбкой.

Я не хочу, чтобы улыбка меркла, но Адам прав. Это действительно в прошлом. Шайлы больше нет. И куча безумных сообщений от сестры ее убийцы не вернет мне подругу.

В тот день, когда умерла Шайла, копы отвезли всех нас в участок. Они раздали нам засохшие крекеры и пластиковые стаканчики с приторным апельсиновым соком, прежде чем

задать несколько безобидных вопросов. Потом они позвонили всем родителям, чтобы те приехали за нами. Сначала забрали Марлу, потом Генри и Квентина и, наконец, Роберта. Родители Никки уехали в Сингапур, поэтому моя мама решила ей остаться у нас. Она не кричала и не ругала нас за то, что мы солгали о том, куда ушли. Мы обещали, что заночуем у Никки. Вместо этого она молчала в машине.

Когда мы вернулись домой, мама приготовила сэндвичи с жареным сыром, потребовала, чтобы мы приняли душ, и, разломив таблетку ксанакса, положила по половинке каждой из нас на ладонь.

– Позвони своей маме, дорогая, – сказала она Никки.

– Они останутся там еще на неделю, – сообщила мне Никки, повесив трубку. – А до тех пор – пижамная вечеринка? – Она слабо улыбнулась. Мы сидели рядом на диване в моей гостиной, застывшие в нервном напряжении. Мы никогда не устраивали ночных девичников вдвоем. С нами всегда была Шайла. Я обхватила себя руками.

– Я еще не плакала, – сказала я и закрыла глаза. Тотчас нахлынули воспоминания. Запертая дверь. Ошеломляющая темнота. Момент осознания, что мы совершенно одни.

К горлу подкатил комок желчи, и, прежде чем я успела зажать рот рукой, мои ладони покрылись липкой зеленой слизью. Слезы наконец обожгли глаза, и я почувствовала исходящий от меня запах – как мне показалось, ядовитый.

– Черт, Джилл. – Никки сходила за рулоном бумажных

полотенец, встала на колени и принялась вытирать пол.

– Извини, – хрипло отозвалась я.

Она посмотрела на меня снизу вверх. Ее глаза, уже не подведенные розовыми тенями, больше не блестели, как прошлой ночью.

– Тебе не за что извиняться.

Я отвернулась от нее, задаваясь вопросом, позволено ли нам горевать о том, что мы потеряли, или это право принадлежит только другим. Неужели нас тоже наказали за то, что мы совершили? Получается, мы были соучастниками, не так ли? Никки, должно быть, тоже подумала об этом, потому что задрожала и свернулась калачиком рядом со мной. Она уперлась босыми ступнями в мои ступни, и наши тела, соприкасаясь, образовали форму сердца. Так мы просидели весь день.

Никки была так не похожа на Шайлу – жесткая там, где Шай отличалась мягкостью, и я имею в виду не только ключицы и бедра. Она съеживалась от страха, когда Шай истерично хохотала во время просмотра ужастиков или под кайфом. Но их объединяли две схожие черты. Упрямство и щепячья преданность.

Рядом с Никки казалось, будто смотришься в кривое зеркало, где она представляла то мною, то Шайлой, пока, наконец, не превращалась обратно в себя, совсем не похожую на ту Никки, которую я знала еще несколько месяцев назад. Зрелище неприятное, но трогательное, как собака с тремя

лапами. Меня это завораживало, и потому еще сильнее хотелось ее присутствия.

Она постоянно торчала у меня дома, и у нас вошло в привычку спать в позе ложки, ежечасно, как по команде, переворачиваясь на другой бок. Я спала, прижимаясь к ней кулаками, и, когда мы меняли положение, ощущала ее маленькие ладошки на своей спине. Тот, кто просыпался первым, отодвигался на свою половину кровати, пока соседка не начала шевелиться и не наступало время повернуться лицом друг к другу.

В тот первый месяц без Шайлы мы шептались ранними утрами, пока летний туман, теплый и тяжелый, вползал в комнату. Мы говорили подолгу, до хрипоты, обсуждая все на свете – как Никки мечтает поступить в школу моды, кто из братьев Марлы самый сексапильный, как добиться лучшего загара к сентябрю. Я вычерчивала созвездия на своей коже, рисуя воображаемые линии от веснушки к веснушке, и Никки просила: «Сделай и мне так же. Сделай и мне».

Но мы были не до конца откровенны друг с другом. Я не рассказывала Никки о своих кошмарах, о том, как меня преследовали видения Шайлы, заставляя просыпаться среди ночи, в поту и задыхающейся, с застрявшим в горле криком. И Никки не знала, что я слышу, как она плачет в ванной, разговаривая по телефону с мамой, умоляя Дарлин вернуться домой, когда та находилась в очередной деловой поездке.

Ни одна из нас не смела признаться в том, что боится за-

быть Шайлу. Иногда мы начинали фразы словами «а помнишь, как...», просто чтобы проверить свою память.

– Помнишь, как она вышагивала, словно выполняла какую-то миссию? А как она пукала, когда чихала? Помнишь, как она ела пиццу задом наперед, начиная с корочки?

Мы отчаянно вспоминали подробности ее жизни, но так же отчаянно нам хотелось двигаться дальше. Иногда забвение оказывалось весьма кстати, потому что мы снова начинали смеяться – нечаянно, над глупостями реалити-шоу, а потом нарочно, до колик.

Это было странное лето, черная метка на наших идеальных биографиях, трехмесячный промежуток, который мы должны были пережить, чтобы прийти в себя к тому времени, когда придет пора подавать заявления в колледжи. Просто выдержите это испытание, говорили нам, и все образуется.

Впервые я получила своеобразный отпуск на лето. Ни научного лагеря, ни работы репетитором в средних классах, ни программы STEM в местном колледже. По совету директора Вайнгартена мама и папа просто оставили меня в покое, и так я узнала, что такое скука и как она дьявольски смешивается с горем. Вместе они обволакивали меня густой липкой слизью, и, казалось, вылечиться можно только водкой, разбавленной сладкой газировкой, и косячками толщиной с мой мизинец, которыми нас снабжали какие-то ребята из Картрайтской школы, утверждая, что у них самое *вонючее* дерьмо

в ближайших трех штатах. Какое огромное облегчение – сознавать, что все родители единодушно согласились не вмешиваться, позволяя нам самостоятельно справляться с травмой.

Мы шестером были помещены на карантин, прикованные к Золотому берегу. Только у Генри была работа – он устроился внештатным корреспондентом в «Голд Кост газетт». Мы чувствовали себя *обычными* детьми, рассекали на великах по каменистому гравию, выискивали подковообразных крабов, застрявших в песке. Мы единогласно решили, что победим эту напасть и к сентябрю вернемся в школу «Голд Кост» с блеском в глазах, готовые сдать на отлично выпускные экзамены. И даже несмотря на тяжелую утрату – *Какая трагедия! Какой ужас, какой кошмар!* – нам больше ничего и не требовалось. Достаточно одного лета безделья без последствий и стресса.

«Просто выбрось это из головы», – сказала Никки ее мама, когда наконец вернулась из Сингапура. Тогда, если верить ей, мы могли бы вернуться в привычную колею и ухватиться за будущее, открывающееся перед нами. Все мы, кроме Шайлы.

Тем летом Адам был в Лондоне, учился в Национальном театре у какого-то драматурга, лауреата Пулитцеровской премии, о котором я никогда не слышала, но вернулся домой на неделю перед отъездом в Браун. Адам сказал, что я – первая, кому он позвонил, как только ступил на амери-

канскую землю.

– Чушь собачья, – фыркнул он. – Не сомневаюсь, что все вы просто *перешагнете через это*.

Я пробормотала что-то в знак согласия, но отвернулась. Мы лежали рядышком на галечном пляже возле маяка Бэй-Бридж, где берег делает резкий поворот под прямым углом и отступает в заросли кустов. Волны перед нами больше походили на легкую рябь, а вода была такой прозрачной, что с того места, где мы лежали, можно было разглядеть крошечных рыбок.

– Пойдем. – Адам встал и одним движением скинул с себя рубашку. Посыпались мелкие камешки. Он протянул мне руку, и я нехотя схватила ее.

Я стянула с себя шорты и майку, не оставляя себе времени на то, чтобы смущаться из-за жеваного бикини, надетого в спешке утром, или глазеть на «кубики» его пресса. Я поплелась за ним к воде. В считанные секунды Адам исчез, нырнув под волну.

– К черту, – сказала я вслух и вошла в воду, полностью погрузив голову.

Вода была теплой, как ванна, нагретая августовским солнцем, и впервые с тех пор, как умерла Шайла, я оказалась одна. Это возбуждало. Я открыла рот и закричала в подводной тишине, впуская в свое тело и выпуская обратно мох, грязь и песок. Я представила себе, что Шайла рядом со мной, сжимает мою руку и трясет головой, взвизгивая от ярости и вос-

торга.

Когда я вынырнула на поверхность, Адам уже вернулся на пляж и сидел на влажном и темном песке.

– Полегчало? – крикнул он.

– Не совсем, – откликнулась я.

– Но это помогает.

Я подплыла к берегу и плюхнулась рядом с ним. Песчинки липли к моей мокрой коже.

– Хреново, – выпалила я, не до конца сознавая, что имею в виду – смерть Шайлы, скорый отъезд Адама или то, что в течение жизни нам приходится не только жить, но и умирать. Не слишком ли тяжкая ноша для одного человека?

– Что же нам теперь делать? – спросила я, пытаюсь заглушить крики в моей голове.

– Будем жить дальше, – ответил Адам. – Двигаться вперед.

Я кивнула, но не задала следующего вопроса. *Как?*

«Уверен, что не хочешь пойти сегодня к Квентину?» – набираю я текст сообщения, пытаюсь найти грань между навязчивостью и дружелюбием, отчаянием и невозмутимостью. Теперь, когда Адам учится в колледже, он не ходит на вечеринки Игроков, но после нашей встречи у Дианы мне бы хотелось, чтобы он пришел.

«Не-а, каждый должен заниматься своим делом. Не думаю, что этим ребятам хочется, чтобы я крутился в вашей компании. Увидимся в следующий раз».

Мое сердце сжимается. Я уже скучаю по нему, а он еще даже не уехал.

Я засовываю телефон в карман и хватаюсь за ручку входной двери Квентина. Дом стоит на крошечной, обсаженной деревьями улочке на границе между Золотым берегом и Клэм-Коув³⁷. Все называют этот район Золотой бухтой для краткости. Дома здесь поменьше и выкрашены в те же четыре цвета – темно-синий, малиновый, бежевый или серый, – поскольку зарегистрированы в историческом обществе как достопримечательности. Все они датируются 1825 годом или даже раньше.

К каждому почтовому ящику на этой улице прибита ма-

³⁷ Clam Cove (англ.) – Бухта Моллюсков.

ленькая золотая табличка – знак того, что эти дома *особенные*, они *старые*. А на Золотом берегу *старый* – вовсе не дряхлый или неухоженный. Это означает, что хозяин дома – свидетель великих событий или ценитель исторического статуса, которым отмечен город. Или что ему удалось подлизаться к правильному агенту по недвижимости лет двадцать назад, когда город активно распродавал эти реликвии. Если вы владеете одним из таких исторических домов, это свидетельствует о вашей принадлежности к избранным, несмотря ни на что.

Вполне логично, что Квентин живет здесь. Он просто помешан на истории Золотого берега и может перечислить всех мэров со времен войны за независимость. В средних классах его увлечение перекинулось на историю «Голд Кост», когда он узнал, что основатель школы Эдгар Грейс прибыл на судне «Мэйфлауэр»³⁸ и впоследствии обустроил эту местность как оазис на берегу моря. Думаю, что загадочная колониальная атмосфера вдохновляет его искусство или что-то в этом роде. Иначе откуда бы Квентину знать, что род Грейс вымер в начале XX века, когда все его потомки трагически подхватили скарлатину? Такая случайность. По сути, Квентин стал и хранителем истории Игроков. Он первым из нас выучил назубок состав команды Игроков, умел читать наш лозунг за-

³⁸ Английское торговое судно, на котором англичане в 1620 году пересекли Атлантический океан и основали Плимутскую колонию, одно из первых британских поселений в Северной Америке.

дом наперед и мог выложить основную информацию о каждом из нас, когда объявляли большой сбор.

В доме проживают только он и его мама, валлийская писательница, любительница чистого виски. Его отец умер от рака еще до того, как мы сдружились, и Квентин никогда не говорит о нем. В их доме всегда царит уют, как в хижине в горах, хотя до пляжа всего несколько миль. Ступеньки кое-где поскрипывают, а передняя дверь такая низкая, что Квентину приходится пригибать голову, когда он переступает порог.

В доме полно всякого *хлама*, и его не убирают дважды в неделю работники клининговой службы, как это заведено у Никки или Генри. Даже сарай на заднем дворе выглядит органично. Когда-то он принадлежал кузнецу или кому-то еще, но мама Квентина переоборудовала его в художественную студию для сына. Теперь там пахнет скипидаром и угольными карандашами. В последний раз, когда я заходила туда, увидела развешанные по стенам портреты всех Игроков. Даже Шайлы.

– Наконец-то, черт возьми! – Никки бросается ко мне, и я обнимаю ее, зарываясь лицом в ее джинсовую куртку. Ткань такая тонкая и мягкая, как кожа.

– Извини, – смущенно говорю я. – Меня задержали. Адам в городе.

– Ооо! – воркует Никки. – Ты прямо как наперсница Адама. Пойдем. – Она берет меня за руку и ведет через гости-

ную, мимо отреставрированного деревянного журнального столика и плетеной корзины, набитой шерстяными пледами. Но на полпути к кухне она останавливается. – Выше голову. – Она перекидывает волосы через плечо. Они разделены пробором посередине, что придает ей сходство с индейской принцессой. – Роберт приготовил убойный «ёрш»... ну, ты понимаешь. – Она изображает обморок, и ее голос падает до шепота. Его трудно расслышать сквозь грохот музыки.

Я морщусь.

– Тогда я сама приготовлю себе выпивку.

Прежде чем она успевает ответить, я чувствую, как кто-то подходит ко мне сзади.

– А вот и она. – В следующее мгновение Генри разворачивает меня лицом к себе и кладет теплую руку мне на поясницу. Его пальцы впиваются в кожу, и я вздрагиваю.

– А вот и я, – вырывается у меня. Лицо у Генри покрасневшее, но он твердо стоит на ногах и смотрит мне в глаза, как будто по-настоящему счастлив видеть меня. Приятное тепло разливается в моей груди, и на какой-то миг я забываю, что провела весь день, пуская слюни на Адама.

– Скучал по тебе сегодня, Джей, – говорит Генри, и его губы складываются в нежную обиженную гримасу.

– Неужели? – Я прильнула к нему, оказываясь в кольце его рук.

– Может, совсем чуть-чуть. Хочешь выпить? – предлагает он. Я киваю. Генри поворачивается и кричит в сторону кух-

ни: – Дорогу! Дорогу! Джилл Ньюман приехала! И девушка хочет выпить! – Толпа расступается, оставляя мне небольшой проход, чтобы я протиснулась к кухонному островку. От устремленных на меня взглядов я прячусь за пеленой волос. Порой невыносимо находиться в аквариуме Игроков.

Я не тороплюсь, смешивая себе коктейль из доступных напитков, пока Генри, привалившись к стене, оглядывает присутствующих. Он протягивает стакан Ави Брилли, продюсеру школьного канала новостей. Тот крутится возле телевизора и, похоже, пытается поставить в очередь какой-то унылый документальный фильм, чтобы смотреть его без звука.

– Классика, – бормочет Генри и поворачивается ко мне. – Слышал, ты встречалась с Адамом.

Я напрягаюсь.

– Ага.

Генри стонет.

– Что такое? – спрашиваю я, стискивая зубы. – Ты же знаешь, что мы друзья.

– Я знаю. – Он снова обнимает меня за талию. – Просто иногда ревную. Я чувствую, что он засел в тебе навсегда.

Так ли это? Мое лицо вспыхивает, и я надеюсь, что Генри этого не замечает.

– Я хочу сказать, что... понимаю. – Генри лениво усмехается, как будто губы слишком отяжелели, чтобы растянуться в улыбке, и просовывает палец за пояс моих джинсов. –

Ты лучше всех. — Генри потягивает свой напиток. — Он ведь знает, что мы вместе, верно?

— Конечно. — Я протягиваю руку и почесываю его затылок. Генри, что ни говори, хороший парень, напоминаю я себе, даже если он и осушил не один «ёрш» от Роберта. — Он в городе только на выходные. Завтра я его уже не увижу. Ничего особенного не произошло.

— Я знаю, знаю. — Генри крепко прижимает меня к себе, и его тело — как бетонная плита.

— Обещаешь, что я нравлюсь тебе больше, чем он?

— Обещаю, — шепчу я ему в грудь. И заставляю себя поверить в это. Хочу поверить. Произнести это сейчас, вслух — легче, чем сказать правду. Правда никому не нужна. Правда опасна. — Давай найдем Квентина.

Генри следует за мной на задний двор. Здесь музыка звучит тише, и светящиеся гирлянды обрамляют лужайку, придавая вечеринке более теплую атмосферу. Наконец я замечаю хозяина, устроившегося на детской горке с Барри Ноултоном, десятиклассником, который в прошлом году попал в команду штата по плаванию. Барри сидит между его ног и смотрит на Квентина восхищенным взглядом, как будто перед ним самое красивое создание в мире. Квентин скользит указательным пальцем по подбородку Барри, и они улыбаются, как болваны. Погруженные в столь интимный момент, они не обращают никакого внимания на тот кавардак, что все мы устраиваем на заднем дворе. В моем сердце вспыхивает

зависть к их близости, их нежности. Интересно, завидуют ли другие нам с Генри и тем отношениям, что нам приписывают?

Нет, погоди-ка, отношениям, которые у нас *есть*. Мы же вместе.

Глаза Квентина неожиданно встречаются с моими глазами, и он шепчет что-то в волосы Барри. Всего несколько шагов – и Квентин оказывается рядом со мной.

– Нам надо поговорить, – говорит Квентин, протискиваясь между мной и Генри. – С тобой тоже, старик, – обращается он к Генри. Голос у него резкий, настойчивый. Мы следуем за ним в заросли кустов, подальше от остальной компании. Генри и Квентин все время поглядывают друг на друга, как будто обмениваются целыми фразами поверх моей головы.

Их мамы, некогда соседки по комнате в общежитии колледжа, вдвоем переехали на Золотой берег, чтобы семьи общались и дети росли вместе. Дружба Квентина и Генри очевидна. Они и ссорятся как братья, обдавая друг дружку ледяным молчанием или затевая драку в грязи. Но всегда легко и быстро мирятся благодаря непоколебимому пониманию того, что они повязаны навеки не собственным выбором, а предписанным мамами чувством долга. Еще одна связь, которую я не в силах разорвать. Сколько бы мы с Квентином ни обменивались скрытыми шутками, сколько бы раз я ни чувствовала прикосновение Генри, мне никогда не проник-

нута в их мозги, как они проделывают это друг с другом.

Однажды летом я призналась в этом Генри, когда мы загорали на пристани за его домом.

– Жаль, что у меня нет того, что существует между вами с Квентином, – лениво произнесла я.

– У тебя есть Никки, – сказал Генри, проводя кончиками пальцев по гусяной коже моего живота. Мне стало щекотно от его прикосновения, и я подавила смешок.

– Это не то. Разве что с Шайлой было то же самое. – Тогда я впервые открыто призналась в том, что Никки не может заменить Шайлу. До меня дошло, что и я, вероятно, не способна заменить ее.

– Знаешь, я всегда завидовал вам двоим, – сказал он. – Меня поражало, с какой легкостью девчонки становятся лучшими подругами. У парней все гораздо сложнее.

Я подумала о том, как странно это звучит. Мне казалось, мальчишкам намного проще завести друзей. Тем более Игрокам. Но признание Генри заставило меня проникнуться к нему еще большей симпатией. Он выглядел таким хрупким, ранимым. Прежде чем я успела выжать из него что-то еще, Генри вскочил и помчался к краю причала, где сгруппировался и бомбочкой нырнул в воду.

Теперь Генри и Квентин толкают друг друга, изображая агрессивные наскоки.

– Да, чувак, – говорит Генри, врезаясь плечом Квентину в бок. – Я позову остальных.

– Давай за мной. – Квентин показывает на одну из огромных плакучих ив, раскинувшихся вдоль забора. Мы наперегонки бросаемся туда, раздвигая поникшие ветки, как занавес из бисера.

– Опять какая-то фигня в духе «Агента 007», да? – спрашиваю я.

– Ты что, весь день не проверяла свой телефон? – удивляется Квентин.

– В общем-то, нет. – Когда мы с Адамом встречались, я обычно забывала про телефон.

– Ты должна кое-что увидеть. – Квентин лезет в карман и достает сложенный газетный листок. Хлипкий, вырванный из «Голд Кост газетт».

– Где ты взял эту хрень? – смеюсь я. Моя семья – единственная из всех, кого я знаю, кто все еще выписывает «Санди таймс», и даже это выглядит архаикой. Папа говорит, что никогда не откажется от любимой газеты.

– Просто прочти. – Он нетерпеливо складывает руки на груди.

Я пытаюсь сфокусировать взгляд в темноте, и лишь через несколько секунд буквы появляются в поле зрения. Заметка короткая, всего пара абзацев, но слова высасывают все тепло из моего тела.

Печально известный местный убийца добывается апелляции

Грэм Кэллоуэй – юноша, заключивший сделку со следствием после того, как признался в убийстве пятнадцатилетней Шайлы Арнольд, стремится оправдать себя спустя три года после ее смерти. Кэллоуэя ожидает перевод в федеральную тюрьму Нью-Йорка по достижении им восемнадцатилетнего возраста в июне этого года. Через своего адвоката он передал заявление, подтверждающее новость:

«В свете вновь открывшихся обстоятельств я, Грэм Кэллоуэй, полагаю, что меня несправедливо обвинили в убийстве Шайлы Арнольд. Я буду добиваться нового суда, чтобы доказать свою невиновность. Я стремлюсь очистить свое доброе имя. Я не убивал Шайлу Арнольд. И отзываю свое признание».

Связаться с семьей Арнольд для получения комментариев не удалось, но Управление полиции Золотого берега опубликовало собственное заявление, настаивая на первоначальных выводах следствия: «Мы рассмотрим все новые доказательства, но поддерживаем наших детективов, которые расследовали ужасную смерть мисс Арнольд. На данный момент у нас нет дополнительных комментариев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.